

Двухнедѣльный журналъ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ
„Извѣстія Архангельскаго
ОБЩЕСТВА
изученія Фусскаго Сѣвера“.

1911 г.

№ 2-й.

15 Января.

Новые законы и распоряженія Правительства, представляющіе интересъ для Сѣвера.

№№*) Ст.

Предметы узаконеній:

212. 2183. Объ отпускѣ изъ государственного казначейства дополнительныхъ средствъ на канцелярскіе и хозяйственныя расходы мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій.
213. 2196. Объ утвержденіи описанія и рисунковъ формы одежды учениковъ мореходныхъ и для подготовленія судовыхъ механиковъ торгового флота учебныхъ заведеній.

Поморскія народныя сказки.

Сказка—это одна изъ формъ народнаго творчества, передъ которой преклоняются и преклонялись самые геніальные художники и поэты, дѣятельно собиравшіе её и въ обработанномъ видѣ вносившіе богатые дары въ сокровищницу нашей отечественной литературы. И не только въ нашей необъятной родинѣ геніальные художники и поэты занимались собираниемъ и обработкой народныхъ сказокъ, по и во всемъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какой цѣнныій вкладъ внесли своими разнообразными, чисто поэтическими сказками братья Гrimmъ, не только въ сокровищницу своей родной, нѣмецкой, но и всемірной литературы. Гдѣ, въ какихъ захолустныхъ уголкахъ эти сказки не прочитываются съ трепетомъ, не служатъ пищей для дѣтской фантазіи? Всюду. Даже далеко на Сѣверѣ, въ поморской избушкѣ, подъ аккомпанементъ дикаго сѣвернаго вѣтра, бѣлокурая дѣвочка съ лихорадочно блестящими глазками и дрожащимъ голосомъ читаетъ эти страшныя, но пріятныя для сердца сказки далекой и чужой страны.

Въ народной сказкѣ сказывается все богатство фантазіи народа, его мечты, его взгляды на добро и зло и—главное—его простое, чуткое ко всему сердце, способное инстинктивно разгадать, гдѣ кроется добро и гдѣ зло. Народная сказка можетъ служить намъ матеріаломъ для изученія быта самого народа, ибо она есть продуктъ колективнаго творчества его и, какъ таковой, безусловно отражаетъ на себѣ душевный складъ своего творителя, его чаянія и надежды, мечты о лучшей жизни,

*) 1910 года.

о побѣдѣ добра надъ зломъ и о соотвѣтствующей карѣ для послѣдняго. Такъ, напримѣръ, сказки о Садко, Господинѣ Великомъ-Новгородѣ, Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ даютъ намъ полное представление о духовной жизни нашихъ предковъ съдѣй старины. При ознакомленіи съ ними, передъ нами встаетъ богатая всевозможными оттѣнками и колоритностью жизнь, которая возбуждаетъ въ насть самыя прекрасныя чувства и очищаетъ насть отъ современной житейской прозы.

И не даромъ же такая вулканическая душа, какъ А. С. Пушкинъ, среди шума и суеты городской жизни мечталъ о далекой деревушкѣ, заброшенной среди сугробовъ снѣга, гдѣ онъ, въ жарко вытопленной и свѣтлой комнатѣ, подъ свистъ и вой бури, слушалъ безконечныя сказки своей старой и доброй няни.

Какимъ наслажденіемъ, какой лаской и тепломъ вѣтъ отъ словъ великаго гения, гдѣ онъ вспоминаетъ обѣ этой старушкѣ. И не благодаря ли этой старушкѣ русская литература обогатилась такими прекрасными перлами какъ, наприм., „Сказка о спящей царевнѣ и о семи богатыряхъ“, „Золотая рыбка“ и т. п.?

За послѣднее время наука проявляетъ усиленное вниманіе къ дѣлу собирания и изученія народныхъ сказокъ. Проявляется также особый интересъ къ личностямъ, изъ усть которыхъ записываются сказки, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ замѣчено, эти личности одарены богатой фантазіей и ораторскимъ талантомъ, если можно такъ выразиться. И дѣйствительно, насколько пишущему эти строки приходилось наблюдать, эти сказочники и сказочницы выдѣляются на общемъ сѣромъ фонѣ деревни.

Кругъ предлагаемыхъ мною сказокъ довольно ограниченъ, благода-
ря тому, что онѣ собирались исключительно лишь въ Кемскомъ у., Ар-
хангельской губ., среди поморского населения. Но, съ другой стороны,
думается, онъ весьма интересенъ, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно,
въ дѣлѣ изученія народнаго творчества Поморья, и особенно сказокъ,
нашими высшими и низшими учеными учрежденіями сдѣлано очень ма-
ло. Лѣтомъ 1910 г. мнѣ пришлось натолкнуться на богатый и обши-
рный трудъ „Сказки Крайняго Сѣвера“, изданія которого, къ сожалѣнію,
не припомню. Въ этой книжѣ собрана масса сказокъ изъ Олонецкой и
разныхъ уѣздовъ Архангельской губ. Поморскихъ же сказокъ тамъ, ка-
жется, около 5 и то самыхъ безцвѣтныхъ и относящихъ къ самому по-
слѣднему періоду, что видно изъ ихъ порнографического характера.

Послѣднее мое утвержденіе зиждется на томъ обстоятельствѣ, что
въ старой патріархальной жизни Поморья, гдѣ все было чинно и соот-
вѣтствовало требованіямъ ломостроевской морали, порнографія въ об-
ласти народнаго творчества врядъ ли могла имѣть мѣсто.

Паступила суровая сѣверная зима съ ея жестокими морозами и сѣ-
вернымъ вѣтромъ и длинными-длинными ночами. Покажется солнце на
сѣромъ, плакучемъ небѣ и тотчасъ же спрячется обратно. А то бываетъ,
что и солнца нѣтъ. И тогда трудно разгадать, что такое происходитъ
вокругъ тебя: что-то не день и не ночь, а нѣчто, похожее на сумерки.
Тянется сѣверная зима долго, безконечно долго, такъ что теряешь вся-
кую надежду когда-либо опять увидѣть Божье лѣто.

И вотъ, въ длинные вечера этой сѣверной зимы, въ жарко выто-
пленной поморской избушкѣ дѣтвора собирается вокругъ старой бабушки,
которая, кряхтя и вытирая слезы съ глазъ своимъ грязнымъ рука-

вомъ рубахи, долго разсказываетъ имъ свои безконечныя сказки. Лихорадочно блестятъ глазки слушателей, и временами изъ молодыхъ грудей вырываются тяжелые вздохи, переплетающіеся наивнымъ всхлиниваніемъ какой-либо блокурой дѣвчонки.

Однообразно и монотонно, точно маятникъ старинныхъ часовъ, звучить глухой и старческій голосъ. И льются сказки одна за другой. Часть проходитъ за часомъ. Смотришь, и спать пора уже лечь. А худой старческій голосъ манить къ себѣ, обдастъ тепломъ и лаской. И въ этомъ тѣсномъ кружкѣ забываешь и про постылую зиму, съ ея сѣжными выругами и про кругомъ царящую нужду, тяжелую борьбу за кусокъ хлѣба. Встаютъ прекрасные образы Ивановъ-Царевичей и Марій-Царевнъ, страшная дѣянія Яицыныхъ-Бабицынъ (Баба-Яга)—воплощенные символы зла—и Бабушекъ-Задворенекъ—символовъ добра, лѣшихъ и воинъыхъ...

И на видъ примитивная жизнь помора кажется уже сложной, трудно поддающейся разрѣшенію загадкой.

Теперь мнѣ приходится сказать нѣсколько словъ о сказочницахъ, изъ усть которыхъ предлагаемыя ниже сказки были записаны.

Сказки эти въ большой своей части записаны мною въ с. Колежмѣ, с. Лапинѣ и Сумскомъ посадѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ. И только нѣкоторыя изъ нихъ записаны изъ усть случайно проходившихъ „рибушниковъ“ (нищихъ—оборванцевъ) и гостей изъ другихъ селеній Поморья.

Сказки: „Шутъ Гаврила“, „Мать и дочь“ „Конь, Свинья, Кошка, Собака да Пѣтухъ“, „Шуба-самолетъ“, „Попъ и работникъ“, и „Царь и мужикъ“ записаны изъ усть мѣщанки Сумскаго посада Устины Ермолаевны Базаровой, у которой я прожилъ въ квартирѣ цѣлый годъ. Это была веселая и бойкая шестидесяти-пятилѣтняя старушка—вдова, мужъ которой умеръ отъ запоя. Помню, когда ко мнѣ собиралась молодежь и начиналась веселая и шумная игра на балалайкахъ и гитарахъ—эта старушка словно ожидала. Разъ даже я засталъ ее танцующей за печкой подъ музыку балаекъ.

— Стара стала—стыдно передъ молодыми плясать-то,—сказала она сконфуженная.

Устина Ермолаевна много трудилась. Но трудъ для нея былъ не тяжелъ. Она постоянно пѣла свои „пригудки“, рассказывала полныя юмора сказки, загадывала загадки, а пословицъ у нея было такое множество, что она, бывало, сыплеть ими къ каждому слову. И это—несмотря на то, что вся жизнь ея была одно сплошное мученіе. Молодой и красивой дѣвушкѣ ее выдали замужъ за человѣка, который, по ея словамъ, долженъ быть ея „отцемъ“. Мужа-пьяницу она не любила, но это, однако, не мѣшало ей имѣть отъ него около 8 дѣтей, изъ которыхъ 4 остались живы. На старости лѣтъ мужъ „занемогъ“ и около 5 лѣтъ лежалъ на печкѣ, „безъ ума, безъ разума“.

Старшій сынъ, оставшійся наслѣдникомъ послѣ отца, былъ также алкоголикъ и довольно часто награждалъ ее побоями.

Въ 1909 году, когда въ Поморье свирѣпствовала страшная холерическая эпидемія, ею заболѣла Устина Ермолаевна съ младшимъ 14-ти лѣтнимъ сыномъ. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ мученій они оба скончались.

Сказки объ „Иванѣ Царевичѣ“ и „Иванушкѣ Дуракѣ“ рассказала мнѣ молодая дѣвушка Лапинской вол. Александра Семеновна Филатова. Александра Филатова, восемнадцатилѣтняя дѣвушка, выше средняго роста, съ крѣпкимъ здоровымъ тѣлосложеніемъ и загорѣлымъ отъ работы лицомъ, по которому скользить пріятная улыбка. Изъ-подъ немногого нахмуренныхъ бровей смотрѣть веселые темно-коричневые глаза, выражающіе рѣшительность и увѣренность въ себѣ, постоянность характера. Голосъ грубый, но пріятный.

На 16 году жизни Александра Филатова лишилась отца и съ тѣхъ поръ неоднократно служила въ разныхъ селеніяхъ Поморья „казачихой“ (работницей). Среди дѣвушекъ с. Лапина она занимаетъ видное мѣсто, благодаря своему сильному голосу, знанію безконечного числа старинныхъ и современныхъ пѣсень и борьбѣ съ бабскими сплетнями. Кроме того, она является народной поэтессой или, какъ здѣсь это называютъ, „сочинительницей“. Несмотря на ея полную безграмотность, ею сложена масса современныхъ частушекъ, которыхъ распѣваются въ Лапинской вол. и близъ лежащихъ селеніяхъ. Ея частушки были даже удостоены вниманія печати (См. „Ярославскія Зарницы“ № 30, ст. Народное творчество, стр. 3 и 4).

Сказки „о Бѣдинѣ-Мальчикѣ“ и „Какъ солдатъ на царьской доцери женился“ разсказаны мнѣ уже не разъ упомянутой мною на страницахъ сѣверныхъ газетъ крестьянкой Лапинской вол. Матреной Федоровной Бахиревой.

Эта самая Матрена Бахирева, какъ я упоминалъ въ своеемъ очеркѣ „Свадьба въ Поморье“ (см. № 20 „Ізвѣстій А. О. И. Р. С.“), сообщила мнѣ и прочитанія. Матренѣ Бахиревой уже теперь лѣтъ за 50, и она, по ея собственному выраженію, „стоить уже одной ногой въ могилѣ“, но это, однако, не мѣшаетъ ей вести хозяйство, лѣтомъ самой пахать, бороновать, сѣять и жать. Дѣло въ томъ, что она еще числится дѣвицей, несмотря на то, что старшему сыну ея уже около 20 лѣтъ. Въ молодости она полюбила одного парня, съ которымъ прижила двухъ сыновей и стала бороться за существованіе, „выростать“ своихъ будущихъ кормильцевъ. Тяжело ей давалась борьба эта. Но человѣкъ съ сильной волей и твердо идущій къ намѣченной цѣли всегда преодолѣваетъ препятствія, встрѣчающіяся на его пути. Чтобы представить себѣ, какъ трудна такая задача, достаточно указать хотя бы на то обстоятельство, что уже за послѣдніе годы цѣпа на женскій трудъ во время полевыхъ работъ равняется 40 к. въ сутки. Работаетъ, работаетъ бѣдная женщина въ зимнее время, выбивается изъ силъ надъ работой,— и въ результатѣ 10—15 к. за цѣлый рабочій день. Такъ вотъ изволь кормить себя и дѣтей на эти деньги.

Эти тяжелыя преграды на своемъ жизненномъ пути Матрена Федоровна прошла. Но онѣ оказали свое воздействиѣ на физическое состояніе организма. Въ 50 лѣтъ она уже представляеть изъ себя полную старуху, согбенную, съ безконечнымъ числомъ морщинъ на лицѣ, постоянными недомоганіями и т. п. Но ясность души, юморъ, здравая логика такъ прекрасно сплетаются въ этой женщинѣ, что иной разъ становится жалко, что вотъ пропадаетъ такая осмысленная, полная прекрасныхъ качествъ души жизнь въ далекой деревушкѣ, среди бесплодныхъ болотистыхъ тундръ и непроходимыхъ лѣсовъ. Я прожилъ въ с. Лапинѣ около 6 мѣс., и квартира моя находилась бокъ-о-бокъ съ лачугой Матрены Бахиревой, къ которой я захаживалъ въ зимнее время

„вепериновать“ и на „бесѣду“, ежедневно. И каждый разъ я уходилъ отъ нея спокойный, уравновѣшенній и но приходѣ домой всегда думалъ о ней и страшно завидовалъ ясности и спокойствію ея души. И теперь, когда мнѣ вспоминается мое трогательное прощаніе съ Матрѣй Федоровной, которая „привыкла ко мнѣ, какъ къ сыну“, и при моемъ отѣздѣ обнимала меня, плакала и причитала на моей груди,—что-то теплое пробуждается въ моей душѣ и твердить моему мозгу, что человѣческое сердце не можетъ зачерствѣть ни отъ суроваго климата, ни отъ безплодныхъ тундръ, а только отъ сытости и роскоши.

Упомяну еще одну сказочницу, рассказавшую мнѣ сказки: „Счастье“, „Катенька“ и „О двухъ братанахъ“.

Эти сказки списаны мною въ 1908 г. въ с. Колежмѣ, со словъ крестьянки Колежемской вол. Анны Васильевны Пайкачевой, умершей въ 1909 г. отъ горловой чахотки. У Анны Васильевны Пайкачевой прожилъ въ квартирѣ около 9 мѣс. Это была молодая вдовушка съ тѣлосложеніемъ атлета, занимавшаяся столярнымъ ремесломъ. Съ мужемъ-столяромъ она прожила около 7 лѣтъ и нажила богатый домъ, хозяйство и немнога денегъ. По смерти мужа она продолжала заниматься его ремесломъ. Дѣтей у нея не было. Анна Васильевна страшно любила веселье, любила танцевать, шутки и анекдоты. Но въ глубинѣ своей души она совсѣмъ не была расположена къ веселью. Дѣло въ томъ, что ея пытливый умъ мучился надъ вопросомъ о Богѣ. Она искала Бога, „настоящаго Бога“. Православная, она довольно часто посещала извѣстный Пертомозерскій скитъ, находящійся въ 12 вер. отъ с. Колежмы, возила туда и деньги и продукты. Бѣдила она туда къ какой-нибудь вечернѣ, но и здѣсь душа ея не находила спокойствія. Помню, не разъ между нами завязывались горячіе споры о Богѣ, и всякий разъ Анна Васильевна просила не говорить о томъ, что нѣтъ Бога. Это ее пугало. Она теряла почву подъ ногами, ибо возражать не могла. Когда ей начали давать книжки о явленіяхъ и чудесахъ природы, она первое время проявила къ нимъ особый интересъ, но потомъ сразу остыла, что объясняется опять-таки ея боязнью потерять своего „старого Бога“, не нашедши новаго. Такое состояніе мнѣ кажется вполнѣ понятнымъ. Оно наблюдается въ духовной жизни не только крестьянъ, но и интеллигентовъ.

Осенью 1908 г. Анна Васильевна вышла замужъ за жившаго у нея въ квартирѣ политического ссылочного и приняла, слѣдовательно, на себя новый крестъ.

Сыльный этотъ, раньше жившій въ ея квартирѣ, впослѣдствії былъ переведенъ въ Сумскій посадъ. Аннѣ Васильевнѣ, слѣдовательно, пришлось бросить „свое теплое, витое гнѣздашко“ и хозяйство и перебраться въ Сумскій посадъ и жить въ небольшой комнатушкѣ. Это обстоятельство безусловно не могло не отразиться на состояніи ея здоровья. Да и въ самомъ дѣлѣ, всего за 22 версты у нея имѣется свой домъ и свое хозяйство, а она вынуждена валяться здѣсь въ чужомъ домѣ.

Освободившійся отъ надзора въ 1909 г. ея мужъ повезъ ее въ Кострому, гдѣ она совсѣмъ „занемогла“ и прѣѣхала въ сопровожденіи его умереть въ свое селѣ. Полгода послѣ этого пролежала она въ постели и скончалась. Передъ смертью она выразила пожеланіе, чтобы ее хоронили старообрядцы. На Пертомозерскій скитъ она завѣщала около 100 рублей.

Біографій остальныхъ лицъ, сообщившихъ мнѣ сказки, и, къ со-
жалѣнію, не знаю, какъ эти лица были случайны. Приношу из-
виненіе за то, что задержалъ читателя біографіями. Мнѣ думается, что
въ страничкахъ жизни этихъ людей читатель найдетъ много интереснаго*).

I *Шутъ Гаврила.*

Жилъ-былъ на свѣти шутъ Гаврила—двоє со старухой.

Къ имъ ъѣздили все пост旣щики: стояли. Што Шуту Гаврилу при-
думать? Вотъ онъ разъ и придумалъ. Купилъ цыську-ставяцекъ ¹⁾ ды и
говорить своей старухи:

— Какъ пост旣щики пріѣдутъ—ты и разругайся на меня: такой-
моль-сякой, не стану я самовара грѣть да ужина варить. А толокна
мѣшанку ²⁾ намѣшаю.

Вотъ пріѣхали пост旣щики и говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя ли поужинать?

Старуха тутъ какъ разругаєтсѧ, што всимъ въ глазахъ темно ста-
ло. А шутъ Гаврила возьме да наложитъ старухѣ-то толокна въ рукавъ.
Вотъ старуха воды въ цыську налила да стала мѣшать. Мѣшанку намѣ-
шала, а пост旣щики стоя да дивуютсѧ:

— Шутъ Гаврила, што у тебя старуха толокна не ложить, а мѣ-
шанку мѣшать?

— У меня,—говорить,—такой ставяцекъ. Хоть на дороги пролубу
выпѣшашъ³⁾, воды нальешь ды и замѣшашъ—не нать и толокна.

Пост旣щики и говоря:

— Нюжто правда?

— Правда,—отвѣцять Шутъ Гаврила.

Оны и говоря:

— Продай ты, Шутъ Гаврила, намъ этотъ ставяцекъ. Для дороги
онъ намъ пригодится. Мы выпѣшимъ пролубъ по дороги ды помѣшамъ-
ды и поѣдимсе—сыты будемъ.

Сколько,—говорять,—возьмешь за ставяцекъ?

— Сыпьте полный серебра,—отвѣцять Шутъ Гаврила.

Вотъ оны насыпали ему серебра, взяли ставяцекъ ды и уѣхали.
Пріѣхали на рѣку,—имъ и есть захотѣлось.

Оны и говоря:

— Што, робята, нать вѣдь мѣшанку намѣшать.

Выпѣшали пролубъ, воды въ ставяцекъ налили и давай мѣшать.
Мѣшаютъ, мѣшаютъ—у ихъ иицто не рожается—одна вода. Оны и
говоря:

*). Еще нѣсколько словъ. При записываніи мною сказокъ я удѣлилъ большое вни-
мание особенностямъ мѣстного говора и особенно въ послѣднемъ году, когда я зани-
мался специально изученіемъ особенностей говора поморского населения. Я знаю, что
во многихъ мѣстахъ можно найти ошибки въ смыслѣ неправильности передачи, наприм.,
нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ, за что и впредь приношу свое извиненіе. Однако, мнѣ
кажется, что общія характерные особенности говора Поморья мною переданы. Дума-
ется, что для специалистовъ эти сказки съ особенностями мѣстного говора окажутъ
не малую услугу какъ фактическій материалъ, на основаніи которого возможно по-
строить нѣкоторыя теоритические выводы. Укажемъ, наприм., хотя бы на то, что во
всѣхъ именахъ существительныхъ въ предложномъ падежѣ употребляется вместо бук-
вы „ѣ“ буква „и“ или „ы“, наприм., царевиѣ-царевны и т. д., вместо „ч“ употребля-
ется мягкое „ц“, наприм., царевичъ—царевица, кадушечки-кадусецы и т. д.

¹⁾ Чашка, въ которой приготовляютъ толокно.

²⁾ Гуша изъ толокна;

³⁾ Прорубь вырубиши.

— Ну, такой-сякой, надуль нась Шутъ Гаврила.
На другой разъ Шутъ Гаврила што придумалъ?
Разрылъ онъ серебро по двору. Постойщики обратно поѣхали ды
опеть къ нему и даваютсѧ:

— Шутъ Гаврила, нельзя-ли понощевать?

А онъ имъ:

— Ой, ребята, пособити собирать. Лошадь серебромъ ходить.
Оны ему и пособили, высбирали серебро все ему и заѣхали.

— Шутъ Гаврила, пролай ты памъ таку лошадку,—стали оны про-
сить. Онъ и говорить:

— Триста рублей дайтѣ—такъ ужъ и быть.

Оны триста рублей отдали за лошадь—Шутъ Гаврила имъ и го-
ворить:

— Привяжите мѣшокъ къ лошадкѣ, да трое сутокъ не отвязывайте.
Вотъ эти постойщики поѣхали домой съ радосью, што не нять
больше наживать: будуть деньги отъ лошади.

Прїѣхали оны къ женамъ, да говоря:

— Жены, мы купили лошадку. Намъ наживать больше не нять.
Привязали оны мѣшокъ. да трое сутки не отвязывали.

На четвертый день отвязали, и не ощущалось никакого серебра.
Ихъ Шутъ Гаврила опеть и надуль.

Вотъ оны опеть поѣхали ды къ Шуту Гаврилу заѣхали.

А Шутъ Гаврила убивалъ быка да нацѣдилъ полный пузырь крови
и привязалъ своей старухѣ подъ мышку.

И сговорились оны со старухой, што какъ прїѣдутъ опеть постой-
щики, чтобы старухѣ не варить ужина.

Прїѣзжаютъ эти самы постойщики къ имъ ды говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя-ли понощевать?

Ихъ спустили. Заѣхали оны и говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя-ли поужинать?

Старуха разругалась на старика:

— Я,—говорить,—не буду сегодня ужина варить да самовара
грѣть. Что хошь—то и дѣлай.

Шутъ Гаврила какъ хватить ножъ, ды подъ мышку старухѣ какъ
прынеть—та и упала, быдто и мертвa лежить. Вотъ Шутъ Гаврила
схватилъ плетку-ременку и ну старухѣ рѣзгать ды говорить:

— Плетка-живулька, оживи мою жену.

Старуха скостила, сейцѧсь самоваръ согрѣла, ужину сварила и...
все готово. Вотъ постойщики и говоря.

— Однако, Шутъ Гаврила, у тебя и плетка хороша. Не продаешь
ли, Шутъ Гаврила, таку плетку намъ. У нась таки жены противны,
какъ прїѣдешь домой—оны все и ругаются на нась. Хорош-бъ,—го-
воря,—нашихъ женъ также провуздить.

— Дакъ што,—говорить Шутъ Гаврила,—рублей двѣсти дайтѣ—я
и продамъ.

Оны вынимаютъ ему деньги, отдаваютъ да берутъ себѣ плетку. И
поѣхали домой. Прїѣхали оны домой—на нихъ жены бранятсѧ, што
деньги вси пропили.

— Домой,—говоря,—нице не привезли...

Вотъ одинъ схватилъ ножикъ и даль жены подъ мышку, также,
какъ и Шутъ Гаврила. Жена и пала.

И другой братъ такъ же, и третій. И схватили оны потомъ плетку въ руки и давай стегать женъ:

— Плетка-живулька, оживи мою жену. Жены не встаютъ. Ну, видя,—жены мертвы. Взяли ихъ ды похоронили и опеть поѣхали.

А Шутъ Гаврила знать, что ему хорошо не будетъ.

Взяль онъ да выкопаль яму на задворки, сѣль въ куль и старуха похоронила его: землей зарыла живого въ яму.

Пріѣзжаютъ эти самы постойщики и говоря:

— Шутъ Гаврила, нельзя ли поноцевать?

Старуха имъ и говоритъ жалобно:

— Нѣту Шута Гаврилы, умеръ Шутъ Гаврила. Я безъ Шута Гаврилы не спущаю никого.

Оны и говоря:

— А гдѣ его могилоцька? Хоть словцемъ наѹмъ его помянуть.

Старуха говоритъ:

— Вотъ тутъ на задворки.

Пришли постойщики на задворки къ могилы и говоря:

— Не станемъ мы его поминать. Разроемъ землю ды вытащимъ его оттуда.

Розрыли землю и выташили Шута Гаврилу живого въ кулью. Положили этта его въ сани и повезли.

Привезли на рѣку, выпѣшили ⁴⁾ юрданъ, оставили Шута Гаврилу на ледъ и нецѣмъ у ихъ оказалось льду изъ юрдана вырыть. Оны и пошли троима въ деревню за лопатой.

Вдругъ ъде баринъ въ тройки да въ корети. Вотъ Шутъ Гаврила услыхалъ и крицить:

— Насилу на барыни женя, насилу на барыни женя...

Баринъ остановилъ лошадей и развязалъ Шута Гаврилу.

Спрашивать:

— Це крицишь?

Шутъ Гаврила и говоритъ:

— Да вотъ, баринъ, насилу на барыни женя.

— А вотъ,—говорить баринъ,—я женюсь.

Посадиль Шутъ Гаврила барина въ куль, куль завезаль, а самъ сѣль въ корету да уѣхалъ. Баринъ и дожидается, когда его на барыни женя.

Вотъ приходятъ мужики, вырыли ледъ съ юрдана и бросили этого барина съ кулемъ въ пролубъ, а самы поѣхали и говоря:

— Ну, ладно. Хоть наши жены пропали—да и Шутъ Гаврила не живой.

Ѣдутъ,—а Шутъ Гаврила имъ настрѣту ъде въ корети да на тройки. Оны смотря на его и говоря:

— Шутъ Гаврила, да ты откуль? Мы тебя въ воду бросили, а ты ъдешь.

Шутъ Гаврила имъ и отвѣцять:

— Ой, робята, тамъ вѣдь всякихъ лошадей даваютъ, въ воды-то, сивыхъ и бурыхъ да вороныхъ.

Вотъ эти братана воротились къ пролубу и одинъ бросился въ воду, а другой говорить:

— Онъ само лучше коня возьме.

Другой скочилъ, а за другимъ и третій. Вси и потонули.

⁴⁾ Вырубили.

А Шуть Гаврила пріѣхалъ домой къ своей старухи и сталъ съ ей жить-поживать да добра наживать.

И теперь онъ еще живе.

II

Мать и дочь.

Жиль-былъ старикъ да старуха. У ихъ была зла доць. Она постоянно ругалась съ родителями, и сусѣды знали, что она така зляща дѣвка. Задумалъ одинъ мужикъ жениться на этой самой дѣвкѣ. Сусѣды ему и говоря:

— Куды ты возьмешь таку злу дѣвку?

А онъ отвѣцѧть:

— Ницего, выую.

Пріѣхалъ мужикъ, сосваталъ эту дѣвку и поѣхали къ вѣнцу. Овѣѣпциались. Отъ вѣнца и поѣхали. Вотъ куцеръ лошадь бѣ—лошадь не иде. Мужикъ куцера и говоритъ:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Взялъ куцера да въ снѣгъ и спихнулъ. Погонялку взялъ въ руки да ну самъ лошаденку бить. Биль, билъ, а лошадь все не иде. Вотъ онъ лошади и говоритъ:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Схватилъ топоръ да ю и убиль. Пошли домой пѣшкомъ. Пришли домой съ гостями. Мужикъ и говоритъ жены:

— Разъ, два, а третьяго не дожидайсе.

Жена подумала, подумала и што дѣлать? Нагрѣла самоваръ, угостила всіхъ гостей чаемъ.

Вотъ ноць молоды проспали, день прожили. Къ имъ и приходитъ въ гости мать. Зеть свернуль папироску и пошелъ въ сѣни курить, а самъ стоитъ да слушать у дверей, што про него станутъ говорить. Вотъ мать у доцери и спрашиватъ:

— Каково тебѣ, дитятко, живется?

— Да нице,—отвѣцѧть доць,—живть то хорошо, да только мужняго взгляду боюсь.

Мать и говоритъ доцери:

— Ой, шальня, не бойсѧ. Ругайсе побольше. Возьмешь большину⁵⁾ въ руки—и бояться не будешь. Я,—говорить,—сперва тоже боялась старика, а нонь, какъ стала ругаться на него—онъ ужъ меня боится.

Зеть все это выслушалъ и не пондравилось ему. Вотъ онъ и заходить и говоритъ:

Дай-ка, теща-матушка, запашемте поле небольшо, которо у меня на задворкахъ. Теща со женой справились да вси втроемъ и пошли. Пришли на поле. Мужикъ запрегъ тещу въ соху, жены на бокъ и сталъ пахать. Поле пребольшо-большо, и онъ погонялкой тещу порѣзгивать. Вотъ оны поле запахали. Мужикъ жены и говоритъ:

— Поди, грѣй самоваръ. А ты, теща-матушка, еще заборонуй.

Выпрегъ онъ тещу-то матушку изъ сохи да запрегъ въ борону. Куды рѣзне погонялкой—тутъ у тещи—матушки на плечахъ кровянны рубцы.

Забороновали поле. Вотъ мужикъ тещи и говоритъ:

— Пойдемъ, нонь, чай пить.

⁵⁾ Верхъ.

А теща страшно устала, что и говорить не могла и давай Богъ ножки домой... Прибѣжала и стала ругаться на старика.

— Охъ, ты, стариkъ, бѣдный, нещастно мы доцерь отдали замужъ.

— А што?—спрашивать стариkъ.

— Да што,—отвѣтъ старуха,—весь день поле пропахали. Я цуть жива осталась.

Вотъ стариkъ на второй день собралсѧ да походитъ къ доцери въ гости. Пришелъ къ доцери. Зеть такимъ же манерчикомъ папироску скрутилъ и—въ сѣни курить. Стариkъ у доцери и спрашивать:

— Каково тебѣ, дитятко, жить?

— Да хорошо,—говорить,—жить-то, да только мужняго взгляду ужъ больно боюсь.

А стариkъ и говорить:

— Бойсе, бойсе, дитятко, уважай да улаживай, живите хорошенъко и жите пойде хорошо.

Это зетю понравилось. Онъ приходитъ изъ сѣней, грѣть самоваръ, вина принесъ, блиновъ напекъ да старика наугощалъ. Вотъ стариkъ домой и запоходилъ. Зеть принесъ пива нѣсколько бутылокъ да привязалъ старику къ шей.

Подходитъ стариkъ ко своей ко старой избенкѣ, а старуха-то смотрѣть въ окно да говоритъ:

— Ой, мои красны солнышки, я-то,—говорить,—поле пахала, а старику-то бѣдному хомутъ на шею надѣли.

Показались старухи бутылки быдто хомутъ.

Заходить стариkъ въ избу, снимать со шеи бутылки, садится у стола да пье пиво и говоритъ:

— Што ты, стара корзина, врала, што доцери худо. Какъ меня зеть принялъ да наугощалъ, дакъ всю дорогу шелъ пьянь. Смотри, сколько бутылокъ дать еще на дорогу...

III

Конь, Свинья, Кошка, Собака да Пѣтухъ.

Жиль-быль стариkъ со старухой. У ихъ были: старый конь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ.

Разъ старуха и говоритъ старику:

— Стариkъ, не будемъ коня держать,—убъемъ.

Стариkъ говоритъ:

— Давай убъемъ.

Конь услыхалъ это и ноцью взялъ да ушелъ.

Слѣдъ коня и свинья ушла.

А собака хлѣбъ сѣла у старухи, и оны хотѣли ю задавить. И собака убѣжала. Остались кошка да пѣтухъ. Вотъ кошка шла разъ по полки и сронила вси горшки съ простоквашей. И кошка убѣжала. Пѣтухъ подумалъ:

— Нечего мнѣ тутъ одному оставаться.

И пѣтухъ полетѣлъ.

Кошка сѣла коню на спину, а пѣтухъ къ свиньи, а собака сама. Вотъ приходятъ оны къ одной избушки. Видѣть огонекъ. Тамъ сидѣть разбойники, вино попиваются да золото переливаются Конь и говоритъ:

— Стойте!

Конь какъ пинулъ ногой въ окно—только стекла полетѣли.

Разбойники побѣжали изъ хаты.

Зашли конь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ въ избу, наѣлись, напились. Конь да свинья на двори стали, собака въ сѣняхъ, пѣтухъ на крыши, а кошка въ пецыки. Сидятъ.

Разбойники бѣжали, бѣжали да остановились. Одинъ и говоритъ:

— Кой церть мы спужались? Пойдемте обратно.

Одинъ пошелъ обратно, а два остались дожидать. Вотъ, зашелъ онъ въ избу. Тѣмно, а спицекъ нѣтъ. Посмотритъ онъ въ пецыку, а тамъ у кошки свѣтлѣютъ глаза. А онъ думать, што уголь горящій. Онъ какъ дунетъ, а кошка какъ вѣспитсѧ ему въ глаза—онъ и побѣжалъ. А кошка висне у его на лице. Выбѣжалъ въ сѣни—собака какъ вкусить его за ноги—онъ и паль. А иѣтухъ на крыши кричитъ:

— Ку-ку-ре-ку, бейте его!

Онъ какъ вышелъ на дворъ—конь пинулъ его, свинья вкусила—онъ и давай Богъ ноги. Рожа-то у его вся вырвана, кровь теке. Приѣжалъ къ тѣмъ разбойникамъ и говоритъ:

— Вотъ я на бѣду-то попалъ! Всі глаза вырвали да еще кака-то вѣдьма съ крыши кричитъ:

— Ку-ку-ре-ку, бейте его!

Разбойники и убѣжали. А лошадь, свинья, кошка, собака да пѣтухъ стали жить-поживать въ этой избушкѣ. Не нать имъ ни хозяина, ни хозяинки. Кошка стряпать, собака стереже, конь работатъ, пѣтухъ забавлять ихъ пѣснями, а свинья нечисть убираетъ.

IV

Шуба-самолетъ.

Шелъ мужикъ по дороги. Пальтишко на емъ было худяще. Што онъ придумалъ? Въ смолу засмолить пальтишко это, чтобы крѣпче оно было. Засмолилъ въ смолы, идетъ и видитъ; у птицы пухъ много рас-треплено. Онъ взялъ да закаталъ пальтишко-то это само въ пухъ. Къ смолы пухъ-то и прильнулъ. И сдѣлалось пальто мохнато. Вотъ мужи-ченко-то, этотъ самый, иде да руками размахивать. Настрѣту ему ёдетъ попъ. Остановилъ лошадей попъ: антиресно ему посмотреть на мужицью шубу. Попъ мужику и говоритъ:

— Што у тебя, братецъ ты мой, за шуба така?

— Это у меня шуба-самолетъ,—отвѣцять мужикъ.

Попъ и говоритъ:

— Кака така самолетъ?

— Така самолетъ, батюшко, што куды вздумашь, туды и понесе,—говорить мужикъ,—хочь въ Питеръ, хоть въ Москву. Только на высокій домъ выстань, руками замаши—ды и будешь въ Питерѣ.

Попъ и говоритъ:

— А сколько возьмешь ты за эту саму шубенку?

— Сколько?—отвѣцять,—триста рублей да съ тебя шубу, корету и лошадей.

Попъ ему и отдаватъ. Одѣвать онъ на себя шубу-самолетъ, а му-жиценка садится въ корету и съ радостью поѣзжать домой. Вотъ попъ и приходитъ въ новой шубѣ домой. Пришелъ и говоритъ своей по-падьи:

— Матушка, грѣй самоваръ. Сейчасъ въ Питеръ полечю.

Попадья смотрить и говоритъ:

— Какъ полетишъ?

— Да смотри,—отвѣцять попъ,—я шубу—самолетъ купилъ.

Вотъ попадья согрѣла самоварцѣкъ, попъ чаю напился, призвалъ знакомыхъ смотрѣть, какъ онъ полетитъ. Вылѣзъ онъ на высокій домъ, а знакомы вси смотря на его. Попъ руками замахалъ, ногами задрыгалъ и... полетѣлъ...

Палъ на землю да убился.

И сказки конецъ, добрый молодецъ.

V

Попъ и работникъ.

Жилъ-былъ попъ съ попадьей. Разъ приходитъ къ попу работникъ наниматься.

— Што,—говорить,—батюшко, возьмете меня въ работники?

Попъ и спрашивать:

— А што мошь работать?

— Што,—говорить,—дрова могу рубить и... и все.

Вотъ попъ и посыпать работника:

— Поди рубить дрова.

Работникъ и пошелъ дрова рубить. Нарубилъ работникъ дровъ пребольшу-большу куцю да пришелъ домой.

Попъ и говорить ему:

— Што нарубилъ ужо дровъ?

— Нарубиль,—говорить работникъ.

— Мало,—говорить попъ.

— Дакъ поди, посмотри,—отвѣцять работникъ.

Пришелъ попъ, посмотрѣль и диву дался—сколько дровъ нарубилъ работникъ. Приходить онъ домой и говорить понадѣѣ:

— Матушка, вотъ бѣла, попали мы на работника. Страшно дровъ много нарублено. Пошли мы его въ поле—пускай нашихъ коровъ приведеть.

А коровъ-то въ ноли у попа и не было.

Приходитъ попъ къ работнику и говоритъ:

— Сходи-ко въ поле да приведи нашихъ коровъ.

Вотъ приходитъ работникъ въ поле, и медвѣдь ходѣтъ съѣсть.

Онъ медвѣдя схватилъ за голову, сѣль къ ему на спину и поѣхалъ. Пріѣхалъ домой, медвѣдя снустиль на дворъ. А у попа на двори было петь коровъ. Медвѣдь вси эти коровы и сѣѣлъ. Вотъ работникъ приходитъ къ попу въ избу да говоритъ ему:

— Поди смотри. Я привель коровъ.

Попъ пришелъ на дворъ, а тамъ одинъ медвѣдь ходитъ и коровы вси сѣѣдены.

Онъ работникому и говоритъ:

— Поди, сходи къ озеру—тамъ я купался да крестъ потерялъ. Найди-ко, ты, его да принеси мнѣ.

А самъ посыпать, чтобы воденникъ сѣѣль. Работникъ и пошелъ. Пришелъ онъ къ озеру—воденникъ ходитъ. Работникъ схватилъ воденника за длинны волосы и повелъ. Привель опеть на дворъ къ попу и спустиль. Приходитъ къ попу:

— Поди,—говорить,—крестъ твой на двори.

Попъ какъ посмотрѣть, а на двори воденникъ ходитъ.

Приходитъ опеть попъ къ работнику да говоритъ:

— Поди-ко въ лѣсъ сходи да принеси мои деньги.

Работникъ преспокойно запрегъ медвѣдя, воденника куцеромъ посадиль, а самъ сѣль въ повозку барипомъ.

Пріѣхалъ онъ въ лѣсъ, а настрѣту ему цертъ иде.

— Давай,—говорить,—съ тобой въ карты поиграмъ.

— Давай,—отвѣцѧтъ роботникъ.

Ну вотъ, сѣли оны въ карты играть. Играли, играли, играли—всю ноць напролеть. Работникъ церта и обыгралъ. Цертъ работнику и деньги отдалъ.

Работникъ сѣлъ въ повозку и поѣхалъ. Привезъ онъ попу деньги да и говорить ему:

— На, бери.

Попъ и говорить своей попадьи:

— Вотъ бѣда, матушка, никуды не дѣниссе отъ работника.

Давай стряпай стряпню да убѣжимъ съ дому.

Попадья стряпню настрияпала, полный кошель наложила и повѣсила къ воронцу. Работникъ приходитъ въ избу—въ избы никого нѣту. Заглянулъ въ кошель—въ кошели стряпня. Онъ стряпенку-то эту всю и сѣлъ, а самъ въ кошель сѣлъ. Сидитъ. Вотъ приходить попъ да говоритьъ:

— Ну, матушка, нѣту работника—побѣжимъ.

Попъ кошель на плечи схватилъ и оны убѣжали.

Вотъ оны бѣжать, бѣжать по дороги, а работникъ въ кошели тихонько и крицѣть:

— До-го-ню, до-го-ню.

А попъ попадьи и говоритьъ:

— Бѣжи, матушка, скорѣ. Онъ вслѣдъ бѣжитъ насъ.

Бѣжали оны, бѣжали, пока устали ды исть захотѣли.

Добѣжали до озера—попъ и говоритьъ:

— Давай, матушка, поѣдимъ.

Вотъ снимать попъ ироць со себя кошель и нацинать его розвязывать. Только хоце взять стряпню, а изъ кошеля вылѣзать работникъ. Опеть имъ и бѣда. Такъ голодны оны и спать повалились⁶⁾. Повалили оны работника о само озеро и говоря тихонько:

— Какъ заснетъ онъ, дакъ мы его и пихнемъ въ воду.

А работникъ былъ не дуракъ. Попъ съ попадьей уснули, а онъ взялъ да перешелъ на другой бокъ. Вотъ пападья проснулась да вмѣсто его пихнула въ воду попа. На слѣдъ попа работникъ пихнуль въ воду попадью. Оны оба и потонули. А работникъ пришелъ домой, все пораспродалъ, денежки себѣ въ карманъ положилъ да уѣхалъ. Сталъ жить-поживать да добро наживать. И все...

VI

Царь и мужикъ.

Жилъ-былъ царь съ царицей. У ихъ была доць, и жила у ихъ одна старуха. Одинъ мужикъ придумалъ царя надуть. Взялъ онъ цяшку смолы, илѣ да крицѣть:

— Нѣть ли лбовъ золотить?

Пришелъ онъ къ царицѣ да говоритъ:

— Што, можно вѣсъ позолотить?

Она говоритъ:

— Позолоти.

Онъ ю позолотилъ, сто рублей у ей полуцилъ и говоритъ:

— Лежите, чтобы золото не сѣхало.

⁶⁾ Легли.

Зашелъ въ другу комнату. Тамъ царська доць.

Онъ ю и спрашиватъ:

— Што, можно васъ позолотить?

Она говорить:

— Позолоти:

Онъ и ю позолотилъ, сто рублей взялъ и сказалъ, што царицѣ.

Потомъ зашелъ въ третью комнату. Тамъ стара старуха.

— Што, можно васъ позолотить? — спрашиваетъ.

— Поджолоти подъ штарость — шамкатъ старуха.

Онъ ю позолотилъ, взялъ сто рублей и ушелъ.

Заходитъ царь къ царицѣ. Царица ему и говоритъ:

— Тише,тише, баринъ, подзолота не сбей, подзолото — сто рублей.

Онъ и говоритъ ей:

— Да што ты, ты вѣдь не въ золоти, а въ смолы.

Потомъ царь зашелъ къ дочери да ко старухѣ. Тамъ то-же.

Вотъ царь и спрашиватъ:

— Хто васъ тутъ смолой помазалъ?

Оны и говоря:

— Да вотъ мужикъ какой-то приходилъ золотить.

Царь поверпился, взялъ лошадь и поскакалъ догонять этого мужика. А мужикъ иде по дороги и ему стрѣту старуха.

Онъ старухи и говоритъ:

— Старуха, снимай одежду Сейцѧ царь поѣде. Онъ тя убье.

Старуха сняла одежду и мужикъ старуху въ мохъ закопаль, а самъ одѣль старухину одежду и стоитъ. Ёдетъ мимо царь.

— Што, — говоритъ, — бабушка тутъ дѣлашь?

— А сусла¹⁾ развозжу.

— А не видала тутъ прохожаго, такого разбойника-мужика?

— А вотъ недавно эта проѣзжалъ тутъ какой-то разбойникъ.

— А не мошь ли, бабушка, догонить его?

— Отце! могу. Только дайте мнѣ одежду со себя.

Царь отдалъ мужику свою одежду. Мужикъ ю надѣль на себе, а царя надѣль въ старушью одежду и говоритъ ему:

— Держи сусла, не выкопай. Я поѣду догонить.

И мужикъ уѣхалъ.

Царь стоялъ, стоялъ. Потомъ услышалъ изъ подъ мху какъ старуха заворцила. Онъ взялъ, разрылъ мохъ, а тамъ старуха жива. Старуха царю и говоритъ:

— Да што ты, батюшко, тотъ-то разбойникъ и былъ. У меня онъ одежду снять да закопаль въ мохъ.

Ну, што тутъ царю дѣлать? Отдалъ онъ старухи ейно платье, самъ надѣль мужицкое, которое у старухи было и пошелъ домой.

Пришелъ домой, а его солдаты не пускаютъ: опознали. Онъ затымъ и взмолился солдатамъ:

— Да што вы, братики, я вѣдь вашъ царь-то.

Его потомъ и пустили.

А мужикъ домой пришелъ съ деньгами и нонь еще живе — поживатъ да добро наживатъ.

И смеется онъ надъ царемъ, какъ онъ ловко надулъ его.

¹⁾ Это слово сама сказочница не могла объяснить.

VII

Сказки объ Иванушкѣ-Дурачкѣ.

Жиль-быль старикъ со старухой. У ихъ было три сына. Младшій былъ Иванушка-дурацекъ. Отецъ у ихъ былъ больной: лежалъ присмерти. Онъ сыновьямъ и говоритъ:

— Какъ я, сыновья, помру—вы вси по ноци посидите у меня надъ могилкой.

Вотъ отецъ и померъ. Перву ноць нать идти старшому сыну сидѣть. А старшій сынъ боится идти, посылаетъ Ваньку.

— Ванька, сходи-ка посиди за меня ноць-то.

Ванька лежитъ на пеци, а ноги у него къ потолку и говоритъ:

— А что дайте?

А невѣстки говорятъ:

— Блинъ житный да блинъ овсяный даемъ.

Ванька слѣзать съ пецыки, одѣвать свою шубенку, бере блины и пошелъ. Приходитъ на кладбище и сѣлъ къ отцевой могилы. Отецъ и высталъ изъ ямы. Сидить съ Ванькой отецъ да разговариватъ. Заря стала, пѣтухи запѣли, отецъ и паль въ гробъ. А Ванька пошелъ домой.

Втора ноць. Среднему сыну нать идти къ отцу. Опять Ваньку онъ и посылатъ.

— Давай, Ваня, сходи да посиди за меня еще ноць.

Опеть дали Ванькѣ блинъ житный да блинъ овсяный, и онъ пошелъ. Опеть пришелъ, посидѣлъ да съ отцемъ поразговаривалъ. Пѣтухи запѣли, заря встала, отецъ опеть и паль въ гробъ.

Третья ноць. Ванькина оцередь идти. Невѣстки и братана говорятъ:

— Хоть-бы сѣлъ отецъ Ваньку—не жалко.

Вотъ Ванька опеть и пошелъ. Сидить опеть съ отцемъ разговаривать. Отецъ ему далъ золотой клубокъ и говоритъ:

— Спустишь этотъ клубокъ. Куды онъ покатитсѧ—туды и ты поди.

Пѣтухи запѣли—отецъ и паль въ гробъ. Вотъ Ванька пришелъ домой, свалился на пецыку да лежитъ. Утромъ братана собираются: походить смотрѣть тамъ одну царевну, которая сидитъ на третьемъ этажи. Будуть тамъ прїѣзжать у кого конь хороший да можетъ перескоить вси стѣни. Тому и царевна бросить золотымъ кольцемъ въ лобъ. И у кого во лбу останется кольце—тотъ ейный суженый и будетъ.

Братана пошли. Ванька бере корзинку и походитъ по грибы. Спустилъ онъ клубокъ золотой, а самъ пошелъ за нимъ. Выскоцилъ конекъ—въ ноздряхъ—искры, въ ротахъ—пламя. Ванька къ коньку сунулся въ ухо—намылсе; въ друго сунулсе—накрутился¹⁾). Сѣлъ на конька да и поѣхалъ. Вотъ прїѣхалъ онъ туды, къ царевнѣ. Конь какъ вскоцилъ—только два вѣнца не могъ перескоить. Ванька повернулсе—только почикивать погонялкой всіхъ. Всі смотрятъ на него. Поѣхалъ Ванька обратно домой. Спустилъ конька, а самъ свалился на пецыку да лежитъ. Вотъ приходя братана и говоритъ:

— Охъ, Ванька, ты не видѣлъ, какъ прїѣжалъ туды молодецъ.

Конь-то какъ у молодца..

Ванька лежитъ да посмѣхивается и говоритъ:

— Не я ли, хоть, былъ-то?

Братана и говорятъ:

— Ужъ никто ужъ былъ, какъ не ты, слоневатикъ, пулеватикъ.

¹⁾ Принярдился.

На второй день братана снова справляются смотрѣть къ царевны, а Ванька—корзину въ руки и пошелъ. Опять спустилъ онъ клубокъ и выскоцилъ, конекъ. Въ ноздряхъ у его—искры, въ ротахъ—пламя. Онъ опять намылсе, накрутилсе и побѣжалъ. Опять какъ конь скоцилъ да къ одного вѣнца до царевны не могъ перескоцить. Повернулсе Ванька—только пыль столбомъ пошла. Спустилъ конька, а самъ опеть и на пецьку. Опеть прихода братана и говоря:

— Охъ, Ванька, какой молодецъ-то тамъ пріѣжалъ...

А Ванька опеть посмѣхивается и говорить:

— А не я ли, хоть, быль-то?

Оны и говоря:

— Ну, дуракъ, молци.

И на третій день братана опеть отправились смотрѣть. Ванька опеть спустилъ клубокъ, выскоцилъ конекъ. Какъ пріѣхалъ Ванька, конекъ его какъ скоцить, онъ церезъ стѣны и перескоцилъ. Царевна Ваньки золотымъ кольцемъ да въ лобъ. Такъ во лбу кольце и осталось.

Ванька пришелъ домой; опеть забрался на пецьку, въ гнилу²⁾ замазалсе весь и лежить. Вотъ братана и пришли и говоря:

— Охъ, Ванька, сегодня ты не видѣлъ молодца...

Ванька опеть и говорить имъ:

— А не я ли, хоть, быль-то?

Братана и говоря:

— Лежи тамъ, слюневатикъ, пулеватикъ.

Повалились спать, Ванька какъ рукой-то со лба то сошоркалъ гнилу—въ избы стало свѣтло, какъ отъ лампы.

Засвѣтило—братана и говоря:

— Мамка, Ванька табакъ курить.

Мать и говорить:

— Ванька, туши спицьку—не то зажгешь што нибудь.

Утромъ братана опеть запоходили къ царевны. Ванька свою худую шубенку на плечи надѣлъ и пошелъ тоже къ царевны на пиръ. Пришли. Царевна всихъ обходитъ да смотрить, а Ванька затянулся за пецьку лы и лежить. Замаралсе онъ весь въ сажи да въ гнилу. Царевна всихъ пересмотрѣла: и богатыхъ и нужныхъ—ни у кого не могла найти кольце-то во лбу.

Потомъ увидѣли этого Ваньку. Смыли съ него сажу да гнилу и увидѣли кольце во лбу. Тутъ царевна и сказала:

— Этотъ мой мужъ суженый.

Сейчасъ Ваньку взели прислуги, хорошенько намыли, одежду принесли да накрутили и съ царевной обвѣпцили. Братана ему завидовали. А онъ сталъ жить-поживать съ царевной. И все...

И. Цейтлинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

²⁾ Глину.

Поморскія народныя сказки.

(Окончаніе).

VIII*)

* * *

Жилъ-былъ на свѣти Ванька—двоє съ матерью. Ванька ходилъ наживать. Наживалъ по три кошечки въ день. Разъ идетъ Ванька по улицы, а мужикъ давить собаку. Ему стало жалко.

— Продай мнѣ собаку,—говорить,—не дави.

Мужикъ и продалъ ему собаку за три копейки. Вотъ Ванька пришелъ да собацьку домой принесъ и говоритъ:

— Мамка, я собацьку купилъ.

Мать и говоритъ:

— Куды ты собаку покупашь, какъ у самыхъ есть нецего?

На второй день Ванька пошелъ, а мужикъ кошку давить.

— Не дави,—говорить,—продай мнѣ.

Мужикъ и продалъ ему кошку за три копейки.

Онъ принесъ домой кошку. Въ третій день пошелъ, а мужикъ змѣю давить. Онъ мужику и говоритъ:

— Не дави, мужицекъ, продай мнѣ.

Мужикъ ему змѣю и продалъ за три копейки. Пришелъ Ванька домой и принесъ змѣю. Змѣя подъ пецику и затянулась. Ванька матери говоритъ:

— Мамка, я змѣю купилъ.

Мать страшно спугалась и говоритъ:

— Да што ты, Ваня, ошалѣлъ?

На четвертый день Ваня пошелъ, нажилъ три копейки и купилъ фунтъ хлѣба. Мать въ эту пору нажгала коцерьгу и побила ей змѣю. Пришелъ Ванька домой, накормилъ собаку, кошку, самъ поѣль, да матери далъ хлѣбъ. Змѣя и говоритъ Ванькѣ по целовѣщи:

— Ваня, веди меня къ моему папѣ. Твоя мама меня здѣсь оцѣнь обижаетъ.

А эта змѣя была дѣвица. Только она какъ замужъ иоходила, да къ ю спортили на свадьбы. Ну, Ваня ю домой и повелъ. Она по дороги Вани и говоритъ:

— Ваня, не бери у меня ни злато, ни золото. Только одно кольце возвѣми.

Поскакала змѣя по пеньямъ, по колодьямъ. А Иванушка слѣдъ ей.

Вотъ прискоцила змѣя да церезъ стѣну какъ махнула и сдѣлалась дѣвица—лучше, краше на свѣтѣ ей нѣть.

И стала Иванушкѣ ейный пана давать золота:

— Бери скольки надо.

Иванушка золота не беретъ—только кольце проситъ. Отецъ ему кольце и отдалъ. Иванушка пошелъ домой. Пришелъ домой ноци-сь и легъ спать. Ноци-сь взялъ да кольце перемѣнилъ съ пальцю на палецъ и выскоцило три молодца:

— Што, новый хозеинъ, нать?

Онъ и говоритъ:

— Анбаръ хлѣба, да банку денегъ нать.

*) Продолженіе сказокъ объ Иванушкѣ-Дурачкѣ.

Ped.

Ну, ему и все готово. Вставать утромъ Ванька и говорить:

— Мамка, напеки-косъ блиновъ сегодня.

А мать ему говорить:

— Ошалѣль што-ли? У насъ вѣдь муки-то нѣтъ.

Ванька и отвѣцять:

— Да поди въ анбаръ-то да возьми.

Мать какъ пришла въ анбаръ, такъ прямо крыша вздымается отъ муки. Ну, она муку взела да и пошла. Пришла въ домъ—Ванька опеть ей и говорить:

— Возьми депегъ да купи масла, мнѣ на рубаху да себѣ башмаки.

— Ваня, да у насъ денегъ то нѣть,—говорить мать.

— Да бери въ банки-то, на полки,—отвѣцять Ванька.

Мать денегъ взяла и пошла въ лавку. Купила масла, себѣ башмаки да Ванькѣ на рубаху. Потомъ пришла домой, напекла блиновъ, накормила Ваню. Ванька ей опеть и говорить:

— Поди, ноны, къ царю да сватай доцерь замужъ за меня.

А мать и глаза выпутила.

— Да што ты, Ваня, ужъ будто царьска доцерь пойде за тебя.

— Поди, поди—отвѣцять Ванька,—головы то не срубя.

Пришла старуха къ царю, а руки да ноги у ей дрожать, и говорить:

— Милостыльный Государь, не отдаешь ли свою доцерь за моего сына замужъ?

Государю показалось это смѣшно. Онъ и говорить.

— Пускай таку же палату выстроить, какъ у меня, чтобы отъ вашего крыльца до моего дворца былъ стекляной мостъ.

Вотъ старуха пошла и говорить Иванушки:

— Вотъ каку загодку Государь загонулъ: чтобы ты такой-же дворецъ, какъ у его, выстроилъ да чтобы отъ нашего крыльца до его дворца стекляной мостъ былъ.

А Ванька отвѣцять:

— Это не служба, а службишка. Еще служба вся впереди.

Ноцю взялъ кольце съ пальцу на палецъ перемѣнилъ и выскочило три молодца:

— Што, новый хозеинъ, нать?

— Нать таку же палату, какъ у царя, и чтобы отъ моего крыльца до царьского дворца стекляной мостъ былъ.

Утромъ выстала мать и не знатъ, куды пойти послѣ худой-то избенки. Иванушка говорить ей:

— Ну, поди сватай теперь.

Мать какъ вышла съ крыльца да по стекляному мосту прокатилась до царева дворца. Пришла къ царю и говорить:

— Ну, все готово.

Царь какъ посмотритъ и говоритъ:

— Пускай, чтобы къ вѣньцу какъ пойдутъ, чтобы яблоки цвѣли на улицы, а какъ—съ вѣньца пойдутъ, чтобы на столи были.

Свадьбу снарядили да къ вѣньцу пошли. Какъ къ вѣньцу шли—яблоки на улицы цвѣли, а обратно пришли—яблоки на столи были.

Вотъ молодцы спать повалились. Царевна и спрашивавшъ у Вапи:

— Гдѣ ты богатство нажилъ?

А Иванушка возьми да расскажи ей. Вотъ заснуль онъ, царевна у его кольце сташила, съ пальцю на палецъ перемѣнила и выскоцило три молодца:

— Што, нова хозяйка, нать?

— Перенесите меня съ этой палатой да съ мостомъ въ такой-то городъ къ моему жениху.

Сейцасъ ю переташили. А Иванушка какъ проснулся утромъ—видѣть, что онъ опеть въ старой избенки, денегъ нѣту ды и жены нѣту. И посадили его въ тюрьму.

А кошка да собака, которы были у Иванушки, собрались и пошли кольце искать. Пришли оны въ тотъ городъ, въ тотъ домъ, гдѣ царевна живетъ. Царевна лежить на кровати со женихомъ, и кольце у ей въ зубахъ. Кошка захватила мышь и бросила къ царевнѣ на губы. Царевна заплевалась и кольце на полѣ выронила. Кошка захватила кольце въ зубы, да и убѣжала. Пришли кошка съ собакой къ рѣки. Нать рѣка переплыть. Собака поплыла, а кошка у ей на спинѣ. Вотъ собака спрашивавъ у кошки,—есть ли у ей кольце. Кошка отвѣтила и выронила кольце изъ рота въ воду. Приплыли оны къ берегу и сидятъ.

А тутъ ловейки ловили. Оны заловили щуку пребольшу-большу, пріѣхали па берегъ и стали ю дѣлить и говорять:

— Дать хоть бѣднымъ собаки да кошки костоцьки отъ щуки.

Стали собака да кошка костье есть, а тамъ кольце.

И побѣжали оны съ радостью. Принесли къ тюрьмы и подали кольце Иванушки церезъ окосецько. Иванушка перемѣнилъ съ пальцю на палечъ и выскоцило три молодца.

— Што, новый хозяинъ, нать?—спрашивають оны.

Онъ и говоритъ:

— Перенести отъ такой-то царевны палаты и стекляной мостъ, а меня туды изъ тюрьмы.

Сдѣлали. Иванушка потомъ пришелъ къ самому Государю и рассказалъ, какъ богатство нажиль и гдѣ его доць царевна живе. Царь ему отдалъ меньшу доць замужъ. Озвѣнцелись оны и живутъ въ добри да во радосяхъ еще и теперь.

Сказки обѣ Иванѣ-Царевичѣ.

IX

Жиль-былъ на свѣти Иванъ-Царевиць. Вотъ разъ Ивану-Царевицу пришлось проѣзжать мимо бани. Давай, думать Иванъ-то Царевиць,—пойду посмотрю, не моютсѧ-ли красны дѣвицы.

Подошелъ къ бани и слышитъ, три дѣвицы бають. Посмотрѣлъ—кудели цешутъ. Одна говорить:

— Кабы меня Иванъ-Царевиць взялъ—золоты бы кружева сошила.

Друга говорить:

— Кабы меня Иванъ-Царевиць взялъ—я бы золоту манишецьку ему бы сошила.

А третья говорить:

— Кабы меня Иванъ-Царевиць взялъ—я бы въ трехъ брюшкахъ девять сыновъ ему породила, каждый по колѣно ножки въ серебри, по локоть руцкы въ золоти, во лбу соньце, а въ затылкѣ ясный мѣсяцъ, а по окосицямъ *) цасты мелки звѣзды.

*) Вискамъ.

Иванъ-Царевицъ все выслушалъ и взялъ третью дѣвицу замужъ.

Ю звали Марья. Иванъ-Царевицъ пожилъ съ ей и потомъ поѣхалъ за моря. Царевна родила отъ Ивана-Царевица трехъ сыновъ. У сыновъ всихъ ножки въ серебри, руцыки въ золоти, во лбахъ соныца, на затылкахъ ясны мѣсяци. Послала Марья-Царевна прислугъ бабокъ звать. Вотъ иде прислуга, а настрѣту ей Яицьна-Бабицьна иде и спрашивать:

— Куды, лѣвка, пошла?

Лѣвка говорить:

— Бабку наживать.

— Возьми ко меня.

— Пойдемъ.

Вотъ Яицьна-Бабицьна взяла трехъ собаценокъ, принесла къ царевни и оставила ихъ, а трехъ сыновъ забрала.

Вотъ пріѣзжать Иванъ-Царевицъ, а эти собаценки лаютъ:

— Тяу, тяу, нашъ папенька пріѣхалъ.

Онъ и говоритъ:

— Перву вину Богъ проститъ.

Иванъ-Царевицъ опеть пожилъ и уѣхалъ. Опеть царевна и родила.

Созвали прислугу и послали за бабкой. Опеть пришла Яицьна-Бабицьна и принесла трехъ собаценокъ, а сыновъ унесла.

Иванъ-Царевицъ пріѣхалъ и говоритъ:

— Втору вину Богъ проститъ.

Третій разъ царевна родила. На этотъ разъ она одного сынка защела въ косу, другого зашила въ подусецьку, а третій остался. Яицьна-Бабицьна опеть принесла трехъ собаценокъ, а паренька забрала. У Яицьны-Бабицьны все мальчики во саду жили.

Пріѣхаль Иванъ Царевицъ и говоритъ:

— Третій разъ Богъ не простить.

Взялъ боцьку сковаль, царевну въ боцьку посадиль и въ море ю и бросиль, а самъ взялъ Яицьны-Бабицьны доцерь замужъ.

Царевну по морю поситъ въ боцьки. Она одного сынка вынула изъ подусецьки, а другого выплела изъ косы и сидить съ има. Вотъ сыники и говоря:

— Матушка, кабы нась на бережокъ прибило.

А она отвѣтятъ:

— Дѣтоцьки, кабы изъ вашихъ усть да Богу въ уши.

Ихъ на берегъ и прибило. Сыники опеть и говоря:

— Матушка, кабы у нась боцьку разломило.

Дѣтоцьки, кабы изъ вашихъ усть да Богу въ уши.

У ихъ боцьку и разломило. Они опеть и говоря:

— Матушка, кабы у нась блокамenia палата сдѣлалась.

У ихъ и сдѣлалась. Они опеть и говоря:

— Матушка, кабы намъ кисейны бережка сдѣлались.

Вотъ и кисейны бережка сдѣлались. Они опеть и говоря:

— Матушка, кабы намъ церезъ эту рѣцьку стекляной мостъ сдѣлался.

И сдѣлался стекляной мостъ.

Сошила царевна сынкамъ рубашецьки; они и бѣгаютъ. А она ждитъ да золоты коньца шьетъ.

Разъ ей сыники и говоря:

— Матушка, мы ийдемъ своихъ братцевъ искать.

Оны одѣлись въ рибушно платье и пришли въ домъ къ Ивану-Царевицю.

Онъ сѣль съ има и рассказывать побывальщина, что у его была жена да ю спустилъ въ море. А Яицьна-то-Бабицьна говорить Ивану-Царевицю:

— Да есть у тя толку-то: всякимъ нищимъ рассказывашь.

Потомъ мальчики пошли въ садъ къ Яицьны-Бабицьны и всѣхъ братановъ оттудова повывели.

А Иванъ-Царевиць ужъ до того дожилъ, что просить по міру пошелъ. Пришелъ онъ разъ къ бѣлокаменнымъ палатамъ, гдѣ сидѣла царевна и шила золоты коньца.

Видитъ онъ: бѣгаютъ вси девять мальчиковъ, по колѣно у ихъ ножки въ серебри, по локоти руцьки въ золоти, во лбахъ соньца, во затылкахъ ясны мѣсяцы, а по окосицямъ цасты мелки звѣзды.

Тутъ Иванъ-Царевиць расплакался и рассказалъ царевиѣ про свою жисть, потомъ поцѣловались съ царевной и поцѣловаль всихъ сынковъ. Сходилъ онъ домой да Яицьну-Бабицьну на воротахъ пострѣлилъ и сталъ снова съ царевной Марьей да со сынками жить поживать во щастыи да во радосъяхъ.

X

* * *

Жиль-былъ царь да царица. У ихъ въ поли хто-то рѣпу воровалъ. Вотъ разъ царь и посыпалъ старшого сына рѣпу каравулить. А онъ сходилъ къ сусѣдамъ и посидѣлъ, да пришелъ домой и говоритъ:

— Никого не могъ видѣть на поли.

Послали средняго каравулить. Тотъ также сходилъ, пришелъ домой да говоритъ:

— Никого не могъ укаравулить въ поли.

Вотъ пришла оцередь младшому сыну каравулить. Его звали Иванъ-Царевиць. Иванъ-Царевиць пришелъ на поле, сѣль на угородъ и сидѣть.—Настала ноць. Темно. Иванъ-Царевиць пѣсенки распѣвать, на небѣ звѣзды считать.

Потомъ вдругъ выскоцилъ мужицекъ, маленький, съ горбикомъ, и нацяль рѣпу рвать. Иванъ-Царевиць соскоцилъ съ угорода, да ну ему рвать тоже рѣпу (мужику). Затѣмъ мужицекъ Ивану-Царевицю и говоритъ:

— Ну, Иванъ-Царевиць, умѣль рѣпу мнѣ нарвать, дакъ умѣй и ко мнѣ зайти.

Мужицекъ указалъ Ивану-Царевицю, куды зайти къ ему въ подземелье. Иванъ-Царевиць пошелъ домой, взялъ братанъ и пошли. Вотъ пришли оны на поле, онъ братанамъ и говоритъ:

— Вы постойте-кось здѣсь.

Пришелъ Иванъ-Царевиць къ мужицьку, и сѣли оны въ карты играть. Иванъ-Царевиць этого мужицька и обыгралъ.

Мужицекъ ему и говоритъ:

— Ну, Иванъ-Царевиць, умѣль меня въ карты обыграть, умѣй отгонуть, кака полугай-тиця, кака помогай-тиця, кака бѣла лебедь.

Иванъ-Царевиць говоритъ:

— Сейцѧсъ выйду на крыльце и закурю, тогда и буду отгадывать. Вотъ онъ вышелъ и думать. Этимъ временемъ пробѣжала собачка-Мухтоцька и говорить ему:

— Иванъ-Царевиць, скажи, что попугай-шици — это муха, а помогай-тици — комаръ, бѣла лебедь — вошь.

Вотъ Иванъ-Царевиць вошелъ и отгонулъ мужицьку загадку.

Мужицекъ и говоритъ:

— Ну, Иванъ-Царевиць, умѣлъ отгонуть, да къ я за тебя Марью-Царевну замужъ отдамъ. Вотъ мужицекъ приданно всяко надаваль, и стали братана приданно вздыматъ на ремняхъ.

Потомъ Марью-Царевну вызынули и спрашиваютъ Ивана-Царевиця:

— А еще што есть вздыматъ?

А онъ говоритъ:

— Ноны меня вздымайте.

Вотъ оны, какъ стали его вздыматъ, взели да перерѣзали ремни.

Иванъ-Царевиць и полетѣлъ обратно туды, въ подземелье.

А эти братана взели Марью-Царевну себѣ и пошли домой.

А Иванъ-Царевиць подземельными ходами вышелъ на бѣлый свѣтъ и пошелъ, куды голова понесе.

Вотъ онъ иде и видитъ: стоить избушка. Онъ взялъ да запелъ въ избушку. А тамъ въ избушкѣ Бабушка-Зодворенка живе.

Бабушка накормила да напоила его, да спрашивать:

— Куды, дитетко, идешь? Куды попадашь?

Онъ говоритъ:

— Да вотъ, бабушка, иду домой. Могу ли неѣть попасть?

— А вотъ, дитетко, пойдешь мимо одного мѣста — тамъ Яицьна-Бабицьна живе; она всихъ Ѣѣсть, да къ ужъ и тебя съѣесть. Ты какъ придешь къ ей въ избу, она посадить тебя на пекло въ пецикѣ садить. Она какъ тебѣ скажеть: „руки съузъ“ — ты скажи ей:

— Седь-ко сама да поуци-ко меня.

Она какъ седеть на пекло, ты ю въ пецикѣ свисни да самъ убѣжи. Вотъ, дитетко, я еще тебѣ дамъ щетку, гребень и зеркало. Какъ она слѣдъ тебя погонитсѧ — ты это все бросай.

Иванъ-Царевиць съ бабушкой распостился, ды и пошелъ.

Вотъ запелъ онъ къ этой самой Яицьны-Бабицьны. Яицьна-Бабицьна говоритъ:

— Вотъ, дуракъ, и попалъ. Садись на пекло.

Иванъ-Царевиць сѣлъ, руки расширилъ. Яицьна-Бабицьна говоритъ:

— Узъ руки! Лучше сиди.

А онъ и говоритъ:

— Да седь-ко сама, поуци-ко меня.

Она сѣла, склонилась, скорцилась. Онъ какъ на пекли ю пихнуль въ пецикѣ да заслонку замазалъ, а самъ убѣжалъ. Она заслонку ногами выколотила и побѣжала за нимъ. Бѣжитъ и говоритъ:

— О-охъ ты, дуракъ. Нынѣце нарвесся, попалъ.

Онъ какъ бросилъ гребень — сдѣлался лѣсь такой высокой, что птицы не перелетѣть да звѣрю не перейти. Она зубами перегрызнула да опеть и летить вслѣдъ его и говоритъ:

— Ну-у, дуракъ, понь, все равно, не урвесся.

Онъ какъ бросиль щетку — сдѣлалась гора превысока-высока.

Она опеть эту гору перегрызла да и бѣжитъ и говоритъ:

— Ну-у, дуракъ, нынѣце, все равно, што пропалъ.

Онъ какъ бросилъ зеркало,—сдѣлалась огненна рѣка. Она поплыла ды и сгорѣла.

Вотъ Иванъ-Царевицъ подошелъ къ своему городу. Тутъ его бабушка жила. Онъ и пошелъ къ бабушки. Съ бабушкой обнелись-дакъ цютъ не переломились отъ радости.

Онъ спрашивать у бабушки:

— Сюды ходить ли Марья-Царевна?

Она говорить:

— Ходить въ каждый день.

Вотъ бабушка посадила Ивана-Царевиця въ шкатъ. Марья-Царевна пришла—бабушка и спрашиватъ у ей:

— Дитятко, гдѣ твоя тоска?

Она говорить:

— У борана въ рогу,—и сама ушла.

Л бабушка взела борана да назолотила и на столъ поставила. Марья-Царевна на второй день пришла и спрашиватъ:

— Бабушка, это што у тебя на столи стоитъ?

Она и говоритъ:

— А, дитятко, твоя тоска.

Она говорить:

— О-хо-хо, бабушка, моя тоска далеко—въ озери. Въ озери—камень, въ камни—сундукъ, въ сундуки—утка, въ утки—яице, въ яице—моя тоска.

Вотъ бабушка съ Иваномъ-Царевицемъ и поѣхали ловить.

Оны рыбы много наловили, а камня все не могутъ заловить.

Остатню тоню какъ потянули, ды и камень заловили.

Оны съ камня вынули сундукъ, съ сундука—утку, съ утки—яице и Иванушко пошелъ съ яицемъ, а бабушка поѣхала на карбаси. Вотъ Иванъ-Царевицъ шель—шель да съ рукъ яице-то выронилъ и не могъ найти. Сѣль на бережокъ да и нлацетъ. Видитъ, заецъ иде да ему яице, несе.

Иванушка пришелъ—бабушка его въ шкатъ и посадила опеть.

Сама наварила рыбу да сдѣлала съ яиця яисьницю.

Марья-Царевна пришла—бабушка и говоритъ:

— Садись, дитятко, истъ. Поѣшь яисьницю.

Она и говоритъ:

— Пѣтъ, бабушка, я сроду не ъмъ.

Бабушка говоритъ:

— Да хотъ одну-то ложецку покушай.

Она и взяла. Какъ съѣла яисьницю—у ей тоска и сошлась.

Она и говоритъ:

— Ой, бабушка, кабы Иванъ-Царевицъ здѣсь былъ.

Бабушка шкатъ открыла, вышелъ Иванъ-Царевицъ, съ Марьей-Царевной поцѣловался, пришли домой, да все розсказаль отцю. Брата-новъ всихъ изъ дому повыгнали.

А Иванъ-Царевицъ съ Марьей-Царевной повѣнчались и стали жить-поживать въ любви да во шастьи...

XI.

* * *

Жиль-былъ стариикъ да старуха. У ихъ были сынъ и дочь. Стариикъ и старуха померли. Сынъ и дочь остались. Вотъ они и пошли въ другу деревню. Идутъ—а стоитъ коньско копыто съ водой.

Вотъ братъ сестры и говоритъ:

— Сестрица я напьюсь здѣсь.

Она говоритъ:

— Братець, не пей. Какъ напьессе, дакъ коницекъ будешь.

Онъ и не напилсে. Идутъ опеть, а коровье копыто стоять съ водой. Онъ и говоритъ:

— Сестрица, я напьюсь здѣсь.

Она и говоритъ:

— Братець, не пей: коровушкой будешь.

Онъ и не напилсে. Потомъ идутъ, а стоять козлино копыто съ водой. Онъ и говоритъ:

— Сестрица, я здѣсь напьюсь.

Она и говоритъ:

Братець: не пей козелокъ будешь.

Онъ не послушалсѧ да напилсѧ и козелокъ сдѣлался.

Потомъ идутъ, а стрѣту Иванъ-Царевицъ ъдетъ. Иванъ-Царевицъ говоритъ:

— Дѣвица, идешь ли за меня замужъ?

— Если возьмешь меня съ козелкомъ съ братцемъ—пойду,—говорить.

Онъ ю взялъ съ козелкомъ съ братцемъ, повѣшились и стали звать Марьѣ-Царевной. Вотъ Иванъ-Царевицъ ю посадилъ за стекла за зеркалья, а самъ уѣхалъ за моря.

Л Яицьна-Бабицьна байпу натопила да пришла подъ окошко:

— Марья-Царевна, поди ко мнѣ въ баенку,—говорить,—у меня водушка клюцева да вѣнницекъ шелковый.

Марья-Царевна и пошла къ ей въ байну. Она Марью-Царевну на-жарила, прутьями настегала потомъ купаться повела и говорить ей:

— Бреди дальше въ воду-то.

Она, бѣдна, брела, брела: у ей ужъ не стали ноги хватать.

Потомъ Яицьна-Бабицьна говорить:

— Выходи.

Она какъ вышла, Яицьна-Бабицьна ю бросила въ яму, пескомъ зарыла, каменьями завалила, а козелокъ все смотрить.

Яицьна-Бабицьна пришла, ейну одежду надѣла да за зеркальны стекла и села да и сидитъ. Иванъ-Царевицъ пріѣхалъ и не знатъ, что это Яицьна-Бабицьна, думатъ—Марья-Царевна. Она Ивану-Цареви-цию и говоритъ:

— Иванъ-Царевицъ, я сына Ивана несу, козелья мяска хоцю: убей козелка—брата.

Кадусецьки напарили, ножецьки натоцили. Иванъ-Царевицъ взялъ ножикъ и нопѣль рѣзать козелка. Пришелъ на дворъ, а козелокъ и говоритъ:

Я схожу клюцевой водушкѣ напьюсь, муравой травушки поѣмъ, дакъ вамъ скуснѣй мясо будеть.

— Иванъ-Царевицъ и оставилъ его не рѣзать до второго дни. Козелокъ и пошелъ. Пришелъ къ ямы-то, гдѣ сестра лежитъ и гово-ритъ:

— У—у, сестрица у—у, родима, кадусецьки парятъ, ножецьки то-щать—меня рѣзать хоцютъ.

Она и говоритъ:

— У—у, братець,, у—у, родимый, не до тебя мнѣ есть.

Желтымъ пескомъ оци засыпаютъ, бѣлымъ камнемъ груди зажимаютъ.

Козелокъ опеть и пришелъ на дворъ. Опеть на второй день на парили кадусецьки, ножики патоцили, и пришелъ Иванъ-Царевицъ рѣзать козелышка. Опеть козель и говоритъ.

— Иванъ-Царевицъ, не рѣжь ты меня. Я схожу клюцевой водушкѣ напьюсь, муравой травоньки поѣмъ—тогда скусиѣ мясо будетъ. Его и пустили. Пришелъ къ сестрицы:

— У-у, сестрица, у-у, родима,—говорить,—kadусецьки парять, ножецьки тоцятъ, меня рѣзать хощутъ.

А Иванъ-Царевицъ шелъ слѣдъ его ды и услышалъ.

Иванъ-Царевицъ у козелка и спрашиватъ:

— Съ кимъ тутъ разговариваиш?

— А тутъ моя сестра,—отвѣцятъ,—Марья-Царевна, а тамъ у тебя не Марья-Царевна, а Яицьна-Бабицьна. Иванъ-Царевицъ взяль, скорѣй песокъ розрыль, каменъя вывалилъ да Марью-Царевну оттуль вынуль изъ ямы.

Пришли оны вси домой. Эту Яицьну-Бабицьну Иванъ-Царевицъ на воротахъ пострѣлилъ и стали съ Марьей-Царевной да съ козелкомъ жить поживать. И все...

VII.

* * *

Жилъ-былъ старицъ со старухой да со доцерью. У старика старуха померла. Онъ взель Яицьну-Бабицьну замужъ.

А у Яицьны-Бабицьны былъ свой ребенокъ. Ну, она падперь свою не залюбила. Што она придумала совратъ?

Старицъ ушелъ въ лѣсъ, а Яицьна-Бабицьна убила коня.

Старицъ пришелъ изъ лѣсу, она и говоритъ ему.

— Эку ты волю доцери-то далъ: доць коня убила.

Старицъ замолчялъ, нице не сказалъ. На другой день Яицьна-Бабицьна убила корову. Пришелъ старицъ изъ лѣсу, она опеть и говоритъ ему:

— Эку ты волю доцери-то далъ: доць корову убила.

На третій разъ Яицьна-Бабицьна убила своего ребенка и говоритъ старику:

— Да што за бѣда—своей доцери никуды не уберешь.

Смотри, она ребенка убила и всихъ поубивала. Куды хошь убери ю. Не стану я больше жить съ ей.

Старицъ взяль доцерь, отвезъ въ поле, отсѣкъ ей тамъ руки по локоть и бросиль. Она лежитъ тамъ да крицть.

Вдругъ Иванъ-Царевицъ ёде. Услышаль крикъ, остановилъ лошадей ды и вышелъ изъ кореты. Вотъ онъ увидѣлъ эту дѣвицу, что она лежитъ. Взяль ю въ корету, завезаль платкомъ эти локти да повезъ домой. Привезъ онъ ю домой, посадиль въ свою комнату, носиль все исть тулы ей, никого не спускалъ въ эту комнату. Потомъ мать ему и говоритъ:

— Цего ты, Ваня, никого не спускашь тулы, въ эту комнату?

А онъ отвѣцять ей.

— А вамъ како дѣло?

Матери интересно было узнать, что хто тамъ въ этой комнатѣ сидить. Взяла она лисвицю, выстала въ окно ды и посмотрѣла. Увидѣла тамъ эту дѣвицу.

Вотъ пріѣзжать Иванъ-Царевицъ съ гулянки, а мать и говорить:

— Иванъ-Царевицъ, кака у те тамъ безрука сидить?

А Иванъ-Царевицъ отвѣцѧть:

— Маменька, дайте мнѣ благословленье, я на ей женюсь.

Мать спугалась, да говоритъ:

— Баня, да што ты, неужель безруку замужъ возьмешь?

А онъ отвѣцѧть ей:

— Да, мама. У насъ-вѣдь все равно дѣлать-то нецего.

Живеть мнѣ и безрука.

Ну, мать видить, что ницего не подѣлашь, взяла да и благословила. Ну, повѣнъцялся Иванъ-Царевицъ съ этой безрукой, нѣсколько дней прожилъ да уѣхалъ.

А она родила отъ его мальцика.

Вотъ разъ пришла безрука къ свекрови да говоритъ ей:

— Привежите мнѣ на нолотеньци ребенка—я пойду къ отцю своему въ гости.

Свекрова привезала ей ребенка—та и пошла къ отцю.

Вотъ она шла, шла—покуда стрѣтился ей руцей. Она въ руцей какъ пить наклонилась, ребенокъ и уналь въ воду.

Она о руцей идетъ да плачетъ, а мальцика несетъ по воды-то. Потомъ ей назади и говоря:

— Наклонись, возьми ребенка.

Она и говоритъ:

— Господи, какъ я возьму, какъ у меня рукъ-то нѣту?

Ей второй разъ говоря:

— Наклонись, возьми ребенка.

Она, какъ наклонилась да стала братъ ребенка, у ей и сдѣлались руки. Она взяла ребенка и пошла себѣ.

Пришла она къ отцю въ гости, а это время пріѣхалъ Иванъ-Царевицъ туды. Ни отецъ, ни ейный мужъ ю не узнаютъ, какъ руки-то у ей стали. А она ихъ знатъ.

Вотъ Иванъ-Царевицъ и говоритъ ко всимъ:

— Не знаете ли хто нибудь сказки сказать или побывальщину.

А старикъ говоритъ:

— Не умѣтъ ли молодушка?

— Да, я-то не умѣю. Только у меня кажись умѣть.

Иванъ-Царевицъ себѣ взялъ мальцика на руки и мальцикъ сталъ рассказывать побывальщины. Иванъ-Царевицъ приказалъ, чтобы не переговариваться, а хто переговоритъ-тому голова долой.

А мальцикъ и сталъ говорить:

— Жиль-былъ старикъ со старухой. У старика старуха померла. Осталась доць. (Дальше идеть пересказъ всей сказки отъ начала).

Яицьна-Бабицьна слушала, слушала и не понравилось ей это. Она и говоритъ:

— Да есть што слушать то. Такой маленький, а наученъ ловко вратъ-то.

Потомъ она ушла за пецику и обѣлась сулемы.

А Иванъ-Царевицъ потомъ узналь свою жену и поцѣловалъ ю да сына, забралъ ихъ и старика къ себѣ домой и стали жить-поживать.

А Яицьна-Бабицьна, какъ сдохла, ю нихто и не тронуль за пецикъ. Такъ она и лежитъ тамъ.

XIII.

С ч а с т ь е.

Жили-были два братана. У одного брата были дѣти, а у другого не было. У которого не было дѣтей, тотъ жены и говорить:

— Отдѣлимся отъ его. Не станемъ его дѣтей кормить.

Отдѣлились. У которого дѣти есть, тотъ живеть богато, а у которого дѣтей нѣту, тотъ живеть бѣдно.

У которого дѣтей нѣтъ, до того дожилъ, что пошель ужъ просить Идеть мимо братова поля. На поля бѣлый конь да бѣлый мужикъ—пашетъ поле братово. Онъ и говорить бѣлому-то мужику:

— Богъ помоць. Хто тутъ пашеть братово поле?

А бѣлый мужикъ и говорить:

— Это братово счастье.

Онъ паль въ ноги бѣлому-то мужику и спрашивать:

— А гдѣ мое-то счастье?

А бѣлый мужикъ ему и отвѣчать:

— Да было у тебя счастье—только не умѣль уберечь.

Твое счастье,—говорить,—около березы три раза обвилось.

Вотъ бѣлый мужикъ далъ ему клубоцекъ и плетку.

Клубоцекъ онъ спустилъ: самъ за нимъ и пошелъ.

Пришелъ къ озеру, а счастье около березы обвилось.

Онъ этой плеткой рѣзнулъ три раза—счастье и проснулось и говорить:

— Фу-фу-фу, какъ долго спалъ.

А мужикъ и говорить:

— Долго спалъ, да въ пору всталъ.

Ну, и пошелъ мужикъ со счастьемъ къ озеру. Поставили силья, и счастье говорить:

— Ты сиди здѣсь ла карауль, а я опеть засну. Только хто прилетитъ, ты безъ меня не бери, а меня разбуди.

Вотъ мужикъ и сидить. Вдругъ прилетѣло двѣ золотыхъ птицы, и въ силья и сѣли. Мужикъ взялъ золоту птицу одну, потомъ счастье и разбудилъ. Счастье проснулось и говорить:

— Ну, не умѣль больше счастья имѣть, дакъ живи и съ тымъ.

Мужикъ и спрашивать у счастья:

— Куды мнѣ положить эту птицу?

— Положи,—говорить,—въ иоле въ межу. Она будеть золоты яйца садить, а ты неси на рынокъ да продавай.

Мужикъ и спрашивать:

— А сколько за ейны яйца будуть давать?

Счастье и говорить:

— Я тутъ и буду.

Вотъ мужикъ принесъ и въ поле, закопалъ въ межу. Птица стала золоты яйца садить, а онъ сталъ на рынокъ носить продавать. Сто рублей за каждо яйце полуцялъ. Ну, мужикъ и разбогатѣлъ. Выстроилъ себѣ домъ, сталъ имѣть корабли и пароходы свои. Затымъ стала у его жена спрашивать:

— Мужъ, скажи, откуль мы разбогатѣли-то.

Онъ говорить:

— Да вотъ у меня есть въ полѣ въ межи золота птица.

Жена и говорить:

— Ой, ошалѣлъ. Украдутъ вѣдь ю у тебя. Ходи скорѣ, вынеси. Мужикъ послушалъ жену, сходилъ да и вынесъ, положилъ въ кухню подъ столъ, а самъ уѣхалъ на корабляхъ за моря покупать да торговать.

У жены родилось два мальчика. Однаго прозвали Колей, а другого—Ваней. Мужъ долго не пріѣзжалъ—жена и полюбила дѣяцъка. Одинъ разъ дѣяцъ и спрашиватъ.

— Вы были бѣдны, отце стали богаты?

— А вотъ,—говорить,—у насъ тутъ золота птицы есть. Отъ ей мы и разбогатѣли.

Дѣяцъ возьмѣ, посмотритъ на золоту птицу и процитатъ на одномъ крылушки:

— Хто это крылушки съѣсть, тотъ будетъ царемъ.

На другомъ:

— Хто это крылушки съѣсть, тотъ будетъ королемъ.

Ну, дѣяцку и захотѣлось бытъ царемъ или королемъ.

Вотъ онъ и говорить ей:

— Убей эту птицу.

— Нѣтъ,—говорить,—ужъ я не смѣю. Мужъ пріѣде, онъ забранитсѧ на меня.

Дѣяцъ осердился ды мѣсяцъ не приходитъ.

Она и приказала прислугамъ зарѣзать эту птицу да выжарить и дѣяцку позвать. Дѣяцъ пришелъ и приказалъ вынести мясо въ колидоръ, штобъ простило. А это времѧ Ваня да Коля бѣгали по колидору ды мясо съѣли и по костоцьки въ рукахъ только нося.

Хозяйка прислугу послала за мясомъ, а прислуга пришла въ колидоръ и видѣть: все мясо съѣдено.

Она пришла и говорить хозяйки:

— Мяса нѣту. Коля да Ваня съѣли. Только костоцьки нося.

Дѣяцъ и говорить:

— Убей этихъ мальчиковъ.

Она послала работника на дворъ убивать мальчиковъ.

А работникъ и прислуги пожалѣли мальчиковъ убить, дали имъ хлѣба и отправили въ лѣсъ. А на ихъ мѣсто убили собаку да выжарили. Принесли эту жарену собаку, положили на столъ, дѣяцъ и сталъ есть.

Дѣяцъ мясо єсть и говорить:

— Говядина хороша, но на собачину пахне.

Она ему и говорить:

— Ну, оны таки собацливы и были.

Мальчики въ лѣсу выросли. Имъ стало годовъ по девятнадцать. Вотъ оны разъ подошли къ одному городу. На высоку гору выстали и видѣть: въ городи народу-то много-много, вси ходятъ, ходятъ, а оны и не смѣютъ зайти въ городъ. Коля Вани и говорить:

— Ваня, ты поди. Если тебя захватятъ—я побѣгу въ лѣсъ.

А въ томъ царстви не было короля. И было въ городскихъ воротахъ ланпада подвѣшена, што кому ланпада на голову падетъ, тотъ и будеть королемъ. Ваня какъ вошелъ въ ворота, ему и пала на голову

ланпада-то. Сейцясь его захватили, въ колокола затрезвонили,—и весь народъ крицить:

— Короля Богъ далъ, короля Богъ далъ.

Накрутили и королемъ Ваню и поставили.

А Коля убѣжалъ въ друго царство. За царствомъ была избушка у бабушки. Онъ къ этой бабушки и зашелъ: сталъ у ей жить, шить башмаки и кормиться.

Плюетъ и что ни плюне—золоты слюнки на поль.

Бабушка сбирать и носить царевны продавать. Цареяна у ей спрашиватъ.

— Да откуль у тебя, бабушка, эти золоты слюнки?

Она и говоритъ:

— Да вотъ есть у меня одинъ Божій целовѣкъ. Сидитъ да все плюе золоты слюнки.

А царевна и говоритъ:

— Приведи-ко его сюда.

Бабушка пришла домой да Колъ и говоритъ:

— Дитятко, пойдемъ—нась царевна звала.

Онъ и пошелъ. Пришли къ царевни. Она наливать Коли вина стаканъ и говоритъ ему:

— Шей.

А онъ и говоритъ:

— Не буду.

— Иньешь—пропадешь—не пьешь пропадешь. Шей.

Коля взялъ и выпилъ. Она другой стаканъ налила. Онъ другой выпилъ и сталъ онъ блевать. Блеваль, блеваль ды золоту маковку и выблеваль. Царевна взяла ю да водой сполоснула и себѣ проглонула. А Колю на Буянъ-Островъ въ одной жилетки и отвезла:

Онъ спалъ, спалъ на Буянъ-Острови. Какъ проснулся, посмотрѣть. А вокругъ море. Онъ и пошелъ бродить по острову да ягоды набирать. Одну ягодку съѣль,—и сдѣлались во лбу рога, на спинѣ горбъ, а позади хвостъ. Другую ягодку съѣль—и сдѣлался, что лучше да краше на свѣти его нѣтъ. Потомъ онъ слышитъ—пищать подъ землей каки-то птички маленьки. Морянка была. Холодно. Онъ взель, снелъ со себя жалетку ды ихъ и закуталъ. Вдругъ прилетѣть птица-мать къ дѣтямъ.

Дѣти ей и говорять:

— Если бы не добрый целовѣкъ нашелся—мы бы замерзли.

Птица и говоритъ Колѣ:

— Куды тебѣ нать—туды и свезу. Садись ды держись.

Коля и говоритъ ей, въ какой городъ. Она его и стацила.

Онъ сошиль себѣ сумоцьку эти ягодки туды положиль, и стоитъ у царева дворца и продавать эти ягодки.

Вышла кухарка и сирашиватъ у него:

— Цимъ торгуешь, добрый молодецъ?

— А ягодками торгую.

— Сколько стоитъ ягодка?

— Сто рублей.

— Эко дѣло—дорого...

— Я тебѣ и такъ дамъ,—говорить Коля.

—¹ Она съѣла ягодку и сдѣлалась, что лучше и краше на свѣти ей нѣтъ. Она пришла къ царевны, та и спрашиватъ у ей:

— Отце ты этака красива сдѣлалась?

— А тамъ мужикъ торгуе такими ягодками, што какъ съѣшь, такъ красива и станешь.

— Поди-ко купи мнѣ,—говоритъ царевна.

Кухарка пришла къ Коли и говоритъ:

— Продайте нашей царевны ягодку.

Онъ и продала ягодку, а самъ пошелъ опеть къ той же бабушки. Царевна какъ съѣла ягодку, сдѣлалась съ хвостомъ, со рогами да съ горбомъ.

Стали ю лѣцить. Дохтуровъ созвали, колдуновъ созвали—нихто не можетъ ю вылѣчить.

Царь видить, что дѣло плохо, онъ и объявлять приказъ такой:

— Хто вылѣчить мою доцерь, того царемъ и поставлю.

Коля принарядилсѧ да пришелъ къ царю.

— Што,—говорить,—у васъ доцька больна? Я вылѣчу.

— Если вылѣчишь—тебя царемъ поставлю—говорить царь.

Коля и говоритъ:

— Выстройте за городовой стѣной трежирную байну. Вотъ байну сейчасъ выстроили. Коля повезъ царевну. Привезъ, самы въ байну пришли, а прислугу оставили въ первой комнати. Вотъ Коля царевну горацей водой обливать, прутомъ стегать по рогамъ да по хвосту, приговаривать:

— Не удись мужиковъ пьяными поить да на Буянъ-Островъ отводить.

Царевна крицить, а кухарка въ стѣну колотится:

Ладно,—говорить,—я царю скажу, што ты ю бѣешь.

Царевна сблевала, маковку выблевала, Коля ю схватиль, водой омыль да проглотиль. Затымъ далъ ей хорошу ягодку, она и сдѣлалась красавицей.

Пріѣхали домой. Она прислуги и говоритъ:

— Бога ради папы не говори.

Пріѣхалъ царь. Онъ благословилъ царевну съ Колей. Оны повѣнчались. Коля сталъ царемъ и сдѣлалъ пиръ на весь міръ.

XIV.

Два братана.

Жили-были два братана. Одного звали Иваномъ, а другого Васильемъ. Оны ъздили въ одно мѣсто денегъ воровать. Тамъ былъ камень. Этого камня звали Камень-Адамъ. Оны пріѣзжали къ камню и говорили:

— Камень-Адамъ, откроисе.

Онъ открывался и оны заходили туда и брали деньги.

Однъ разъ Иванъ позвалъ Василья за деньгамъ. Тотъ не захотѣлъ ъхать. Ну, Иванъ самъ къ камню и поѣхалъ.

Вотъ пріѣхалъ онъ, взялъ золота цѣлый мѣшокъ и забылъ назвать „Адамъ“, одно и звегеть:

— Камешокъ, откроисе.

Вдругъ, стукъ, гремъ... Розбойники идутъ. Пришли и говоря:

— А, воровалъ, воровалъ ды и попалъ.

Взели Ивана, ды разрѣзали на шесть кусковъ.

День нѣту дома Ивана, другой день нѣту—жена и приходитъ къ Василью и говоритъ:

— Василь, у меня мужа два дня дома нѣту, ужъ не могу голову приложить, што съ имъ тамъ дѣется.

Василій говоритъ:

— Ну, два дня нѣту—дакъ нѣту добра.

Одѣлся и поѣхалъ искать братана. Пріѣхалъ къ камню и видѣть: братанъ лежитъ разрѣзанъ на шесть кусковъ.

Ну, онъ братана мертваго взелъ да еще мѣшокъ золота захватиль и поѣхалъ, Привезли домой Ивана, а хоронить то не хорошо такого. Жена и пошла къ одному швецу, который шубы сшивалъ съ кусковъ, и говорить ему:

— Не можешь ли у меня мужа спить съ кусковъ.

Портной его спилъ и похоронили.

Вотъ разъ пріѣзжаютъ розбойники въ эту деревню и стали со швейцемъ выпивать. Швецъ имъ и рассказалъ, какъ онъ целовѣка спилъ. Разбойники у швеца хорошенъко про всероспросили и уѣхали.

Вотъ потомъ пріѣзжаютъ эти самы розбойники ко вдовы Ивана—двѣнадцать въ кувшинахъ въ телѣги на двори, а тринадцатый зашелъ въ избу. Его приняли за гостя, напоили, накормили. Потомъ онъ и говорить:

— Куда бы мнѣ отдохнуть?

— А ложись,—говоря,—на вышку.

А самы спать повалились. А кухарка у ихъ была догадлива. Догадалась она, што тутъ не ладно. Она затопила въ своей комнати пецикъ истопила деревянного масла и пришла на дворъ да обварила этихъ всихъ двѣнадцать молодцевъ, а сама спать и повалилась.

Вдругъ вставать этотъ розбайникъ, и приходить на дворъ, и будить этихъ молодцевъ.

— Вставайте,—говорить,—робята, ноны вси спять.

А молодцы-то не вставаютъ. Онъ видѣть, што одинъ остался, пошелъ обратно въ избу и спать повалилсѧ.

Пропспаль до утра, а утромъ всталъ чаю напилсѧ и говорить: Нельзя ли мнѣ будеть съ вашей прислугой потавцевать?

Хозейка и говоритъ:

— Отце нельзя?—Если она желать-дакъ...

Она говоритъ:

— Я желаю.

Созвали музыкаптовъ и пошли оны танцевать. Она смотрить на него и видѣть, онъ хотеть только саблю выдернуть ды ей по шеи дат... Она возьметъ изъ подъ фартука какъ дернетъ саблю ды ему и по шеи. Всі обступили ю и кричать:

— Да што ты, ошалѣла? Мужика то убила.

Она и говоритъ:

— Я-то не ошалѣла, не ошалѣли ли вы? Подите-ко посмотрите на двори. Я сегодня ноцью двѣнадцать розбайниковъ убила. Это не гости къ вамъ пріѣхали, а розбайники убивать васъ захотѣли.

Хозейка ю взела, да поцѣловала, да къ себѣ за доцерь взела. И все ..

XV.

К а т е н ъ к а .

Жиль-былъ царь съ царицей. У ихъ была доць Катенька.

Пріѣзжали разъ къ Катенькѣ гости: три кавалера. Приглашали оны Катеньку въ гости; говоря:

— Вотъ пріѣзжай къ намъ въ гости. Пріѣдешь—гору высоку увишишь, а на гори плита больша. Увидишь тамъ домъ большой, и заходи къ намъ въ гости.

На второй день Катенька собралась и поѣхала. Вотъ пріѣхали оны къ горы, она и говорить куцеру:

— Постой тутъ у горы: я скоро приду.

Постоялъ, постоялъ куцеръ, видѣть Катеньки нѣтъ, взель да ѿѣхалъ. А Катенька на гору высоку выстала и домъ увидѣла. Эты савицавалеры вкругъ дома ходя со саблями. Ю страхъ взель—она и не пошла къ имъ въ домъ. Свалилась она подъ каменну плиту да лежитъ и говоритъ

— Плита, плита, спаси меня.

Вотъ приходять розбойники, бросаютъ подъ гору шляпы и говоря:

— Кабы Катенька была, такъ бы на мелки куски ю розрѣзали да въ огонь бы бросили.

Потомъ взели шляпы да пошли въ другой городъ людѣй рѣзать. Што Катенькѣ дѣлать? Она и зашла къ имъ въ домъ. А у ихъ въ земли-то жила прислуга, Дѣвкой-Чернышкой ю звали. Она, какъ увидѣла Катеньку, и говоритъ.

— Куды ты пришла? Оны придутъ, дакъ тебя убютъ.

Катенька и говоритъ:

— Куды хошь меня скорони, чтобы оны не видѣли.

Дѣвка и говоритъ ей:

— Ну, ложись подъ кровать.

А у ихъ завѣса была отъ зени до потолка.

Вотъ послышался стукъ да гремъ. Розбойники идутъ.

Привели розбойники барыню и говоря:

— Ложь на столь руки.

Потомъ оны взели, отсѣкли ей пальцы да разрубили на куски. Оинъ палецъ съ кольцемъ упалъ и покатилсе подъ кровать. Катенька зела и спрятала его въ карманъ.

Вотъ розбойникъ розбойнику и говоритъ:

— Поди да возьми подъ кроватю кольце-то.

А Катенька лежить, а руки и ноги у ей дрожать.

Другой розбойникъ отвѣцать:

— А пускай оно тамъ лежить. Завтра возьмемъ.

И пошли оны вси въ отдѣльную комнату вина пить.

А Дѣвка-Чернышка взела Катеньку и повела на дорогу.

Оны идуть по сѣнямъ, а розбойники и спрашиваютъ:

— Хто тамъ?

А Дѣвка-Чернышка отвѣцать:

— Самъ отецъ Василій.

Вышла Катенька на дорогу—мужикъ со сѣномъ Ѳде.

Она и говоритъ ему:

— Возьми ты, дедушка, меня. Продай сѣно моему папы.

Мужикъ ю взель, въ сѣно спряталъ, пріѣхалъ къ царю и спрашивать:

— Не купите ли сѣна?

А отецъ говоритъ:

— Мы нелавно купили—намъ сѣна не нать.

— Купите. Въ сѣнѣ добро есть,—говорить мужикъ.

Оны и купили съно. Какъ стали съно розрывать, а тамъ Катенька. Ну, царь съ царицей обрадовались—бѣда...

Вотъ пріѣзжаютъ къ Катеньки опеть въ гости эты кавалеры и говорятъ Катенькѣ:

— Отце-жъ ты къ намъ въ гости не пріѣхала?

— Я была,—отвѣцѧть Катенька,—у васъ завѣса отъ зени до потолка есть?

— Это правда, это правда,—отвѣцѧютъ розбойники.

— У васъ Дѣвка-Чернышка есть?

— Это правда, это правда,—говорять розбойники.

— Вы привели барыню?

— Это врешь, это врешь!

— Вы отсѣкли ей пальцы?

— Это врешь, это врешь!

Катенька и показывать имъ палецъ съ кольцемъ и спрашиватъ.

— А это што?

Тутъ розбойники и заскакали, ды не знаютъ куды и выскочить. Потомъ ихъ заковали въ боцкѹ да бросили въ море. И сказки конецъ.

XVI.

Бѣднякъ-мальчикъ.

Жиль-былъ на свѣти мужикъ со женой. Они были страшно бѣдняки. Вотъ у ихъ родился мальчикъ. Его и прозвали Бѣднякъ-мальчикъ. Жена и говорить мужу:

— У насть-то есть вѣдь у самихъ нецего. Какъ же мы станемъ ростить мальчика? Продаемъ его хоть за три копейки.

Разъ пришелъ къ имъ странникъ, посмотрѣль на мальчика, да говоритъ:

— Не продавайте никому мальчика: онъ, какъ выросте,—буде на королевнѣ женатъ. Да не говорите обѣ этомъ никому.

Ну, извѣстно дѣло женщина: не могла сдержаться, взяла да росказала потомъ сусѣдамъ-што вотъ такъ и такъ говорилъ странникъ. Люди начали говорить про это само—и такъ и дошли слухи до царя. Царь, какъ услышалъ, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ родилсѧ Бѣднякъ-мальчикъ и какъ выросте буде женатъ на его доцери, взялъ да пришелъ къ имъ и говоритъ:

— Продайте мнѣ мальчика. Я дѣйсти рублей даю.

Думали, думали мужъ и жена да и обзарцлись на деньги, взяли да Бѣдняка-мальчика и продали. Царь взялъ мальчика, зашелъ въ лавку, купилъ сумку, положилъ мальчика въ сумку да бросиль его въ воду.

Несло, несло мальчика по водѣ-то и принесло его въ порогъ.

А тамъ жиль мельнисникъ. Онъ взялъ его къ себѣ и сталъ рости. Рось, рось Бѣднякъ-мальчикъ, и стало его ужъ 19 лѣтъ.

Мальчикъ онъ былъ послушный: куды ни пошлешь, туды и пойде. Вотъ повадился къ мельниснику царь въ гости пріѣзжать. Одинъ разъ такъ разговорились они, царь и спрашиватъ мельнисника:

— Откуль у тя мальчикъ, какъ жены нѣть?

А мельнисникъ отвѣцѧть:

— А мальчика этого я изъ рѣки вытащилъ. Поднесло эта сумку къ порогу. Думаю, деньги. Вытащилъ, а тамъ мальчикъ. Ну, и сталъ его рости замѣсто сына.

Король записку паписалъ и говорить:

— Нельзя-ли будетъ вашего мальчика послать со запиской къ моей жены?

— Отце нельзя? Можно!

Король отдалъ мальчику записку—онъ и побѣжалъ.

Было это подъ венцоръ. Шель, шель мальчикъ—стало темно. Онъ дорогу и потерялъ. А тутъ видѣть стоитъ избушка, а въ избушки огонекъ. Зашелъ онъ въ избушку, а тамъ розбойники живутъ. Оны его накормили да напоили и стали спрашивать:

— Куды идешь, куды попадашь?

Мальчикъ имъ рассказалъ, что его царь послалъ со запиской къ жены. Одинъ разбойникъ и говорить:

— А покажи ко записку-то эту!

Мальчикъ изялъ да показалъ. Розбойникъ прочиталъ письмо и видѣть, что не ладно. Въ письмѣ томъ царь писалъ жены, что какъ придетъ Бѣднякъ-мальчикъ, чтобы его убили. Взялъ розбойникъ написалъ друго письмо, что какъ придетъ такой-то мальчикъ, чтобы его на царьской дочери и женили. А цареву записку разорвалъ. Утрусь стало—розбойники разбудили мальчика, накормили да напоили и выпроводили на дорогу.

Пришелъ Бѣднякъ-мальчикъ къ королевны, а тамъ его солдаты не спускаютъ. Онъ отдалъ записку и говорить:

— Передайте королевны.

Королевна, какъ прочитать записку—сейясь этого мальчика велѣла въ залъ пустить. Потомъ скорѣ свадьбу справили и дожидаются царя. Царь прѣѣхалъ—его стрѣльца и вышли молодыи. Царь зашелъ въ комнату и готовъ разорвать свою жену, такъ его зло взяло.

— Што ты,—говорить,—дура, надѣала! Я тебѣ писалъ, чтобы, какъ придетъ, его убили. а ты женила.

А царица ему и показывать записку.

Царю все равно рѣшить мальчика нать—вотъ онъ его и посыпать къ богатырю—людоѣду, чтобы три золотыкъ волосы вырвать изъ его бороды. Бѣднякъ-мальчикъ и пошелъ. Идетъ, идетъ мальчикъ и видитъ: мужикъ стоять у колодца. Мужикъ его и спрашивать:

— Скажи, добрый целовѣкъ, цѣго у меня въ колодцы воды нѣту?

— Обратно пойду—скажу,—отвѣцѧть мальчикъ.

Идетъ дальше. Видитъ баба стоять у яблоковъ. Она и спрашивать:

— Скажи, добрый целовѣкъ, цѣго яблоки сохнутъ?

— Обратно пойду—скажу,—отвѣцѧть мальчикъ.

Дальше пошелъ и видитъ: мужикъ людей перевозить съ берега на берегъ. Мужикъ и говорить ему:

— Скажи, добрый целовѣкъ, изъ за че я здѣсь страдаю?

— Обратно пойду—скажу,—отвѣцѧть мальчикъ.

Наконецъ онъ и добрался до богатыря. А богатыря-то дома не было. Была только одна богатыриха.

Она какъ увидѣла Бѣдняка-мальшика и говорить:

— Куды ты пришелъ? Богатырь придетъ и сѣѣсть тебя.

Мальчикъ закруцился.

— Ну, не бѣда,—говорить богатыриха,—я спряцю тебя.

А онъ просилъ ю узнать: отце яблоки сохнутъ, колодецъ посохъ и мужикъ перевозить. Потомъ богатыриха взела ды и замнула его въ ящики. Вдругъ приходитъ богатырь.

— Фу фу-фу, на Руси не бывалъ, русскаго духу не слыхалъ.

Хто у тя сегодня руській есть?—спрашиватъ богатырь.

— А самъ налетался да нахватался. Еще разговаривать,—отвѣцтвятъ богатыриха.

Онъ и говоритъ ей:

— Жена, поищи-ко у меня въ головы-то.

Она стала искать, а богатырь и заснуль. Она взяла да вырвала у него золотой волосъ изъ бороды. Онъ вскоцилъ и разругалсѧ. Она говоритъ ему:

— Не ругайсѧ, мужъ—кормилецъ, я задремала да мнѣ приснилось, будто мужикъ стоитъ у колодца, а въ колодцы воды совсимъ нѣтъ.

— Да, это правда,—отвѣцтвятъ богатырь.

— А засимъ сохне,—спрашиватъ богатыриха.

— Когда убываютъ лягушку—тогда и буде въ колодцы вода.

Опеть и заснуль богатырь. Она и другой волосъ вырвала.

Богатырь скочилъ и разругалсѧ. А она опеть и говоритъ:

— Мнѣ приснилось, будто баба стоитъ у яблоковъ, а яблоки вси посохли. Отце это?

— Пускай убываютъ мыша—тогда и зацвѣтутъ.

Онъ опеть и заснуль. Богатыриха въ третій разъ у его волосъ вырвала. Онъ вскоцилъ и опеть разругалсѧ. Она и говоритъ:

— Мнѣ приснилось, будто мужикъ съ берега на берегъ людей перевозить, а самъ не можетъ на берегъ выйти.

— А пусть онъ даетъ мужику рубля, да въ руки руля, да самъ и выйдетъ.

Потомъ богатырь и ушелъ. Богатыриха выпустила мальчика, три волосы ему отдала да все и рассказала.

Ну, мальчикъ обратно пошелъ да все и сказалъ имъ.

Оны его благодарили и сказали:

— Если это все исполнитсѧ—тогда мы тя наградимъ.

Вотъ пришелъ мальчикъ къ царю да отдать ему три золотыхъ волосы и говоритъ:

— Я больше у васъ служить не буду. Мнѣ ваша доць—не жена и я ей не мужъ.

Ушелъ мальчикъ къ яблокамъ и къ колодцу. Все исполнилось. Баба и мужикъ дали ему цѣлый возъ денегъ.

Онъ пріѣхалъ къ царю и говоритъ ему:

— До свиданье.

Всі выпили его провожать. Жена стала плакать.

Потомъ король велѣлъ позвать его обратно и стали оны жить въ мирѣ.

XVII

Какъ солдатъ на царской доцери женился.

Жили-были царь да царица. У ихъ была маленька доцюрка.

Царица по утрамъ стряпала, а дѣвоцька вкругъ ей кружилась да хмѣшала стряпать. Мать разъ и скаже:

— На, те, воденпикъ!

Дѣвоцька, какъ пошла къ рѣки—ю воденникъ и захватилъ. Мать, какъ узнала, стала жалѣть да Богу молиться, всимъ странникамъ деньги давать.

А у царя были солдаты. Одинъ солдатъ на завтра именинникомъ долженъ быть. А у его денегъ не было ни копейки. Онъ и пошелъ въ церковь Богу молиться.

Молитсѧ аль Миколы Многомилостливому и говорить;

— Господи, хоть бы мнѣ гдѣ-нибудь полтинникъ найти. Завтра хоть въ день андѣла солдатовъ угостить.

Идетъ онъ изъ церкви, голову повѣсили. Стреѣту ему идеть старицѣ—его отъ вѣтра поноситъ—и говоритъ:

— Што, служивый, задумалсѧ?

Солдатъ и отвѣцѧть:

— А вотъ, дѣдушка, завтра именинникъ, а денегъ—ни копейки вѣту. Ишу денегъ.

Дѣдушка и говоритъ ему:

— Да женись у воденника на доцери. Приходи ко мнѣ—я тебѣ дамъ ведро вина да перогъ на закуску.

— Ладно—отвѣцѧть,—подумаю.

Пришелъ солдатъ домой и всю ноць не спить: все думать.

И вздумалъ онъ жениться на доцери воденника. Утромъ пришелъ къ дѣдушкамъ—тотъ ему ведро вина да перогъ на закуску далъ. Ну, солдатъ домой пришелъ да всихъ солдатовъ до-пьяна напоилъ да наугостили.

Солдаты пью, ёдя да дивуютсѧ: откуда онъ столько вина взялъ. На второй день солдатъ и говоритъ царю:

— Дайте мнѣ благословленье. Я пойду къ воденнику жениться на его доцери.

Царь отвѣцѧть:

— Да што ты, не съ ума ли сошелъ? Вѣдь тебѣ живому не быть.

А царица говоритъ царю:

— Пускай онъ ёде жениться. Тебѣ еще солдатовъ хватитъ.

Солдатъ спрвилисѧ ды и поѣхалъ со дѣдушкомъ къ воденнику. Прѣѣхали оны къ порогу—порогъ пребольшой-большинской. Дѣдушка и говоритъ солдату:

— Падай въ воду.

Солдатъ и наль. А дѣдушка слѣдъ его. И оны опеть пошли по дороги съ дѣдушкомъ. Вотъ пришли оны къ воденнику въ избу да говорятъ ему:

— Вотъ, не отдавите ли доцерь замужъ?

— Милости просимъ,—отвѣцѧть тотъ.

Наредилъ воденникъ всихъ доцерей своихъ и посадилъ на стулья. Оны и сидя. Одна сидѣтъ блѣдна ужъ блѣднешенька. Дѣдушка солдату и говоритъ:

— Скажи, што эта моя богосуженная, што всихъ хуже сидитъ.

Солдатъ и сказалъ. Воденнику, хотя жалко ю было отдавать—да ужъ нать было. Сталъ воденникъ придано справлетъ. Далъ тройку лошадей, корету, драгоцѣнныхъ каменьевъ. Дѣдушка съ солдатомъ забрали вещей и невѣсту да и поѣхали. Вотъ проѣхали оны этотъ порогъ, дѣдушка взялъ да дѣвицу и разрѣзalъ на три куска.

Солдатъ и смотрѣть да думать: вотъ бѣда!

Взялъ дѣдушка да окунать мертвой водой на мертвое тѣло, и отомъ окуналь живой и дѣвшушка слѣдалась жива да така красавица, какъ раньше у матери была.

Бдуть оны по улицы, вси смотря въ окна да дивися.

Говоря:

— Солдатъ каку-то богацихъ везе.

Солдатъ съ дѣвицей пріѣхали къ царю во дворецъ да повѣнчались, и стали оны пировать. Царица подносить цапки, да какъ посмотритъ на дѣвоцьки, скрипяла:

— Охти, мнѣ! Совсемъ быдто моя доць. Гдѣ ты взялъ ю,—спрашивавъ царица.

А солдатъ и отвѣнять:

— У воденника.

Ну, царь съ царицей узнали тутъ свою доцерь, взяли да поцѣловали ю да солдата и поставили царемъ на царьство, государемъ на государство.

И сказка вся.

Г. Цейтлинъ.

Изъ жизни охотниковъ на Бишертъ.

— Тятя, тятя, слышишь, какъ вѣтеръ шумитъ въ трубѣ? сказалъ Дмитрій, младшій сынъ Максима, лежа на печкѣ.

— Что больше дѣлать вѣтру, какъ не шумѣть въ трубѣ и не свистать: у него вѣдь хлѣбъ-то вымолотъ и собранъ въ амбарѣ,—отвѣтилъ Максимъ,—приготовляясь на лавкѣ къ охотѣ.

— Тятя, тятя, первый снѣгъ выпалъ,—злая старуха йомо нанесла его изъ дальняго, холоднаго моря... Опять сказалъ Дмитрій.

— Зима намъ нужна, мой сынокъ, говорилъ Максимъ, налаживая на ногу кысъ.

— Ох-хо-хо! воскликнулъ Дмитрій, ох-хо-хоньки! Напрасно ты меня, отецъ, пустилъ на помочи въ Ильинъ день. Въ холодномъ пивѣ дали мнѣ „его“, и испортили меня... И „онъ“ растетъ, растетъ внутри меня и задушитъ.

— Съ нами Богъ, мой сынокъ!—отвѣчалъ поблѣднѣвшій Максимъ: пойдемъ, сходимъ на охоту, вставай, одѣвайся. Солнце весело играетъ за рѣкой. Пойдемъ въ свою лѣсную избушку, натопимъ ее, наваримъ тамъ кашу-юмъ, на нарахъ полежимъ, рассказалъ тебѣ сказку я, потомъ силки и петлю разставимъ, на первомъ вѣдь снѣгу легко найти слѣдъ зайчика и лисицы...

Дмитрій слѣзъ съ печи, посидѣлъ на лавкѣ и сталъ одѣваться. Ему было семнадцать лѣтъ, до Ильина дня онъ былъ здоровъ и веселъ, отецъ на него глядѣлъ и радовался. Въ Ильинъ день въсосѣдней деревнѣ были „помочи“. Молодые люди и дѣвушки собрались туда и со смѣхомъ и съ прибаутками жали рожь и ячмень цѣлый день для мужика Степана, а къ вечеру съ пѣснями вернулись къ нему на ужинъ... Всё время ужина пили холодное пиво и горькое вино. Въ „помочахъ“ участвовалъ и Дмитрій, и былъ тамъ впереди на виду у всѣхъ—и въ работе и въ веселыи былъ первый... Но черезъ недѣлю послѣ того сталъ задумываться и заговариваться. Максимъ съ ужасомъ смотрѣлъ на проявленіе порчи. „Неужели любимаго сына моего испортили? думалъ онъ, „тучше меня искрошили бы топорами, о злые люди!“ „Съ кѣмъ вѣкъ буду теперь я жить?“